

Лариса Черкашина

Пушкин путешествует
От Москвы до Эрзерума

Лариса Андреевна Черкашина Пушкин путешествует. От Москвы до Эрзерума

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653625
Пушкин путешествует. От Москвы до Эрзерума / Черкашина, Л.А. – М. : «ООО Издательский дом «», .: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-9533-6691-5, 978-5-4444-8086-1

Аннотация

Путешествия – особая тема в биографии Пушкина: хроника странствий поэта вплетается в его биографическую канву. Не изведать, сколь много вдохновенных строк родилось под цокот лошадиных копыт и перестук колес. И сколько дорожных впечатлений уже позже – в кабинете – «проросли» в живой стихотворной ткани пушкинских шедевров... Поистине дорожная муза была благосклонна к поэту.

Книга «Пушкин путешествует. От Москвы до Эрзерума» состоит из двух частей: «Земные странствия поэта» и «Путешествия во времени и пространстве».

Удивительно, первый наш «невыездной» поэт, Пушкин, грезивший о «чуждых странах», уже после земной жизни словно побывал в них. Гению многое дано предвидеть. Но даже Пушкин, предсказавший себе всероссийскую и европейскую славу, не мог и помыслить, что его герои «заговорят» почти на всех языках мира!

Великий путешественник Пушкин: его странствия вне времени и земных границ продолжают.

Содержание

Земные странствия поэта	6
Хроника путешествий	6
Дорога жизни: Москва – Петербург	6
По «государевой дороге» и тверским проселкам	7
Экипажи, ямщики, дороги	14
«Я ехал к вам»	14
«В своей коляске выписной»	14
«Летит кибитка удалая»	15
«В каретах тяжко нагруженных»	16
«Возок почтенный»	17
«Телега на ходу легка»	18
«Поспешный дилижанс»	20
Дороги и дорожные правила	21
«Из почтенного сословия смотрителей»	22
Страсти по каретникам	24
«Мой ямщик»	25
Дорожные опасности	27
«Коляска на бок»	27
Дорожные казусы и развлечения	30
«С калмычками не кокетничаю»	30
Подорожная	33
«По надобностям службы»	33
Дорожные жалобы гурмана	36
Чтоб уха была по сердцу»	36
Дорожные мечты	41
«Воображаю... чугунные дорога»	41
Чудо-паровоз	41
Тоннель под Ла-Маншем	45
«Заманчивые волны»	46
«Открылись мне берега Крыма»	46
Кавказские впечатления	51
«Военная Грузинская дорога»	51
Дорожная муза	56
«Я и в коляске сочиняю»	56
«Подъезжая под Ижоры»	56
«Любезная калмычка»	57
«На холмах Грузии»	59
«Всё б эти ножки целовал»	61
Уральская одиссея	64
По следам самозванца	64
Путешествия во времени и пространстве	70
«Невыездной» Пушкин	70
Китай	71
Китайская мечта поэта	71
«К подножию ль стены далекого Китая»	71
«Незримый рой гостей»	74

«Ефугэни Аонецзинь»	77
Пу-си-цзинь – «веселое имя» Пушкин	77
Китайская ветвь на Гавайях	79
Беларусь	81
Черный арап на Белой Туси	81
Полоцкие корни	81
Крестник русского царя	81
Из «гнезда Петрова»	83
«Год Господний 1705»	84
Бесценный подарок Петра	86
Бельгия	90
Братья по африканской крови	90
Русские африканцы	90
Семейные предания	92
От корнета до генерала	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Лариса Черкашина Пушкин путешествует. От Москвы до Эрзерума

Юным путешественникам Андрею и Настеньке Черкашиным

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы.

Издано при участии ООО «Принт-Контент», г. Санкт-Петербург.

Рецензенты: Невская Вера Александровна, зав. научным отделом Государственного музея А.С. Пушкина; Великодная Ирина Леонидовна, канд. филол. наук, доцент МГУ им. Ломоносова, зав. отд. редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

В оформлении книги использованы портреты, гравюры и фотографии из собраний Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Всероссийского музея А.С. Пушкина, Государственного музея А.С. Пушкина, Государственного Исторического музея, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея-заповедника «Петергоф», галереи Уффици (Флоренция), Национального музея Черногории (Цетинье), Музея Виктории и Альберта (Лондон), Музея истории Висбадена, частных коллекций.

Земные странствия поэта

Хроника путешествий

Дорога жизни: Москва – Петербург

*Блажен, кто понял голос строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой.*

А. С. Пушкин *Наброски к главе «Путешествие Онегина»*

Хроника странствий Пушкина вплетается в его биографическую канву. Вышивальщица-судьба словно выстегивает неповторимый узор на карте Российской империи: стежками, крестиками, гладью помечая города, реки, станицы, горные перевалы, которые миновал поэт.

*Александр Пушкин. 1975 г.
Художник Е. Устинов*

Если быть точным, свое самое первое путешествие из Москвы в Петербург поэт совершил в нежном возрасте – грудным младенцем, на руках у мамушки-кормилицы: с него и начинается Пушкин-путешественник!

Между той, первой, и самой последней поездкой – и тоже из Первопрестольной в Северную столицу, – пролегли не версты, а вся жизнь.

«Государева дорога», как в пушкинские времена, по старинке, еще величали Московско-Петербургский почтовый тракт, по сути, стала «дорогой жизни» поэта.

Сколько раз мчался он по ней, шумной от посвиста возниц, криков курьеров и фельдъегерей, многоголосья валдайских колокольцев и разудалых ямщицких песен. Ехал по знакомому пути зимой и осенью, на «почтовых» и «вольных», в коляске и дилижансе...

Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.

Старая дорога помнила и пешего Пушкина. В картузе и с тростью – таким изобразил себя поэт на рукописи «Евгения Онегина». Известен и другой рисунок Пушкина-странника: порывистого, в движении (автор – художник-дилетант Петр Челищев, на ту пору – капитан лейб-гвардии Преображенского полка, в будущем – генерал-майор), шаг поэта несоразмерен росту – энергичный широкий шаг! Не одну версту, а сотни прошагал по российским дорогам, проселкам, тропам Александр Сергеевич, чему немало свидетельств.

По Московско-Петербургскому почтовому тракту Пушкин отправился и в свадебное путешествие с юной красавицей-женой...

«Государева дорога» от старушки Москвы, «порфиноносной вдовы», до царственной Северной Пальмиры шла через Тверь и Новгород. Ровно двадцать восемь раз проехал по ней поэт, преодолев пятнадцать тысяч верст!

Есть в том странная предопределенность: год рождения стал первым в хронике земных странствий Пушкина, и путь его лежал из родной Москвы в имперский Петербург, где суждено было ему принять смерть...

По «государевой дороге» и тверским проселкам

1799

Сентябрь(?) – октябрь(?). Из Москвы в Петербург. Той же осенью родители-Пушкины возили младенца Александра в сельцо Михайловское Опочецкого уезда Псковской губернии, на показ деду Осипу Ганнибалу. Поездка на перекладных, в собственном экипаже.

1800

Август(?) – ноябрь(?). Из Петербурга в Москву. Вместе с семейством, в собственном экипаже.

1811

16(?) – 20(?) – 19(?) – 23(?) июля. Из Москвы в Петербург. С дядюшкой Василием Львовичем и его невенчанной женой Анной Николаевной Ворожейкиной. В почтовой карете.

На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра...

Дорожные расходы братья Пушкины разделили меж собой поровну. Почему именно дядя, а не отец повез в Петербург отрока Александра, где тому предстояло держать экзамены в Лицей? Причина чисто житейская – в семействе Пушкиных ожидалось прибавление: в октябре 1811 года Надежда Осиповна родила сына Михаила.

«...Дядя мой Василий Львович, по благорасположению своему ко мне и ко всей семье моей, во время путешествия из Москвы в Санкт-Петербург, взял у меня займы 100 рублей ассигнациями, данных мне на орехи покойной бабушкой моей Варварой Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовною...»

Сто рублей, подаренные будущему лицеисту «на орехи», дядюшка Василий Львович так и не вернул...

Пушкинская Москва. Красная площадь

1826

4–8 сентября. Из Михайловского в Москву по вызову Николая I. В сопровождении фельдъегеря. В собственном экипаже, на перекладных.

Предыстория этой необычной поездки такова. 28 августа Николай I скрепляет подписью собственную резолюцию: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволено ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем псковскому гражданскому губернатору».

Из Пскова в Михайловское, в ночь с 3 на 4 сентября, прискакал офицер с письмом губернатора. Перепуганная явлением грозного «гостя» Арина Родионовна залилась слезами. Пушкин успокаивает бедную нянюшку, проявляя недюжинное самообладание: тотчас велит садовнику Архипу доставить ему из Тригорского пистолеты. Почему поэт хранил свои пистолеты у соседки, добрейшей Прасковьи Александровны Осиповой, и что таилось за его странным распоряжением? Уже не узнать... Но русская словесность понесла в ту сентябрьскую ночь невосполнимую утрату – в пылающий камин летели «крамольные» листы: автобиографические записки, черновики «Бориса Годунова», стихотворные пьесы!

На сборы времени не дано, и в пять утра, на заре нового дня, дорожный экипаж двинулся в путь. Вначале в Псков, к губернатору Борису Антоновичу фон Адеркасу, а оттуда, вечером, – в Первопрестольную, к царю.

История сохранила и имя фельдъегеря, сопровождавшего поэта: Иван Федорович Вальш. А сам Пушкин тотчас по приезде в Псков отправил тригорской соседке письмо, где очень мило ее успокаивал: «Дело в том, что без фельдъегеря у нас грешных ничего не дела-

ется; мне также дали его для большей безопасности. Я еду прямо в Москву, – пишет он далее, – где рассчитываю быть 8-го числа текущего месяца...»

Расчеты поэта оправдались, и, минуя Боровичи, Новгород, Яжелбицы, Вышний Волочок, Торжок, Тверь, Клин, Черную Грязь (всего 740 верст!), утром он уже в Москве. Взмыленные лошади замирают у ворот Главного штаба. Дежурный спешно доносит генералу И.И. Дибичу: «...Сейчас привезен с фельдъегерем Вальшем, из Пскова, отставной 10 класса Пушкин, который оставлен мною при дежурстве впредь до приказа». Дибич шлет записку: «Нужное, 8 сентября. Высочайше повелено, чтобы Вы привезли его в Чудов дворец, в мои комнаты, к 4 часам пополудни».

Ровно в назначенный час в Кремле происходит историческая встреча Пушкина с русским самодержцем. «Что сделал бы ты, если бы 14-го декабря был в Петербурге?» – прямо спросил Николай. «Встал бы в ряды мятежников», – последовал честный ответ. Аудиенция имела для поэта благие последствия: ссылка отменялась, ему разрешалось жить в обеих столицах, и сам царь милостиво соизволил стать цензором новых творений.

Пушкин же из Кремля спешит на Старую Басманную, в гости к дядюшке Василию Львовичу. А Москва уже полнится слухами о счастливом возвращении опального поэта!

2–8 ноября. Из Москвы в Михайловское с остановками в Твери, Торжке, где Пушкин покупает для княгини Веры Вяземской шитые золотом пояса, и Новгороде. На перекладных, в собственном экипаже.

От Сергея Соболевского получает «на дорогу» радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Опальную книгу ее владелец хранил с большими предосторожностями, а вот приятелю в дальний путь дать не побоялся.

В Михайловском, на пороге отчего дома, Пушкин радостно встречен нянюшкой и дворовыми. «Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни... и моей няни – ей богу, приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия и пр...» (*Из письма князю Петру Вяземскому.*)

23 ноября—19 декабря. Из Михайловского в Москву с вынужденной остановкой в Пскове. На перекладных. У села Козырьково коляска опрокинулась, и Пушкин серьезно пострадал.

1827

19–23 мая. Из Москвы в Петербург. В почтовой карете. По приезде в столицу поселился в гостинице Демута на Мойке.

1828

19–23 октября. Из Петербурга в Малинники. На почтовых до Торжка, далее – «на вольных».

Вечером 19 октября вместе с друзьями Пушкин поднимает бокалы за славный День Лицея, и сразу после застолья уезжает в Малинники, что в Старицком уезде Тверской губернии, к Вульфам. Друзья желают «доброе пути. Пушкину-француз!»!

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

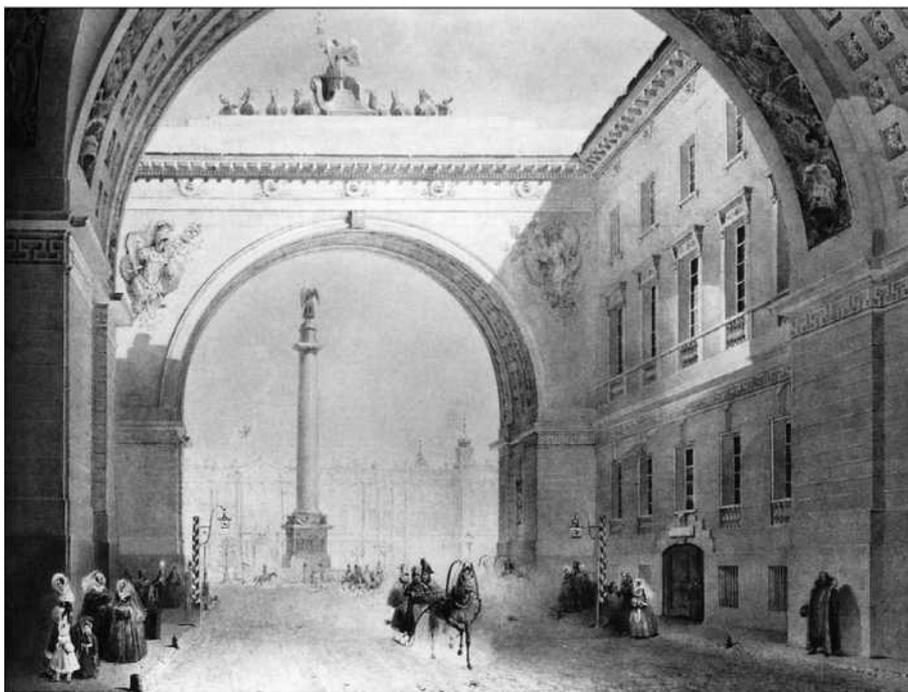
4–6 декабря. Из Малинников в Москву. На перекладных. Проехал 215 верст через Старицу, Волоколамск, Клин. В Москве остановился в гостинице «Север».

1829

5–6 января. Из Москвы в Старицу. На перекладных. Приехал в Крещенье и сразу же попал на бал в дом старицкого исправника В.И. Вельяшева, дочь коего Катенька очаровала поэта.

16–18 января. Из Малинников в Петербург. «На вольных». Вместе с Алексеем Вульфом проезжают Торжок, Вышний Волочек, Яжелбицы, Новгород, Чудово, Тосно, Ижору. На почтовых станциях, ожидая, когда перепрягут лошадей, играют в шахматы и, по воспоминаниям Вульфа, в пути говорят «про современные отечественные события, про литературу, про женщин, любовь». По дороге от Торжка до Петербурга путешественники «наслаждаются» доступными им радостями: в Валдае – баранками, в Вышнем Волочке – свежими сельдями, в Яжелбицах – ухую из форелей.

В пути явились и стихотворные строки, обращенные к Катеньке Вельяшевой: «Подъезжая под Ижору...»

Пушкинский Петербург. Вид на Дворцовую площадь

10–14 марта. Из Петербурга в Москву. На почтовых. В день отъезда Екатерина Карамзина желает Пушкину счастливого путешествия. Путь ему предстоит долгий: до Тифлиса и Арзума.

12–14 октября. Из Москвы в сельцо Павловское Тверской губернии. На «перекладных». Навещает Павла Ивановича Вульфа и его брата Ивана Ивановича в Берново.

7(?) — 9(?) ноября. Из Павловского в Петербург. На перекладных.

1830

5–12 марта. Из Петербурга в Москву с заездом в Малинники Тверской губернии. На перекладных. В Москве, прямо «из кибитки», Пушкин попадает в Благотворительное собрание, где встречает Натали Гончарову.

16–19 июля. Из Москвы в Петербург. О выезде поэта, «за коим... был учрежден секретный полицейский надзор», докладывал московский полицмейстер. В Петербург Пушкин

приехал днем и, выйдя из коляски на Невском проспекте, встретил отца. В доме родителей поэт простился с братом Левушкой, уезжавшим на Кавказ.

10–14 августа. Из Петербурга в Москву с остановкой в Твери. В почтовом дилижансе. «10 августа выехали мы из Петербурга с Пушкиным. обедали в Царском Селе у Жуковского. В Твери виделись с Глинкою. 14 числа утром приехали мы в Москву». (*Из памятной книжки князя Петра Вяземского.*)

1831

15–18 мая. Из Москвы в Петербург. С юной красавицей-женой. В собственной карете. До почтовой станции, первой на пути, Пушкина и его жену провожал друг поэта Павел Войнович Нащокин.

Для Натали все было ново – ведь то было первым ее большим путешествием! И первым вместе с мужем, – вдвоем им довелось ехать еще лишь в сентябре 1834-го, возвращаясь из Полотняного Завода в Москву.

В Петербурге молодые супруги остановились в гостинице Демута, далее их путь лежал в Царское Село.

3–6 декабря. Из Петербурга в Москву. В почтовом дилижансе. Часть пути поэт едет в летней карете, в Валдае пересаживается в зимний экипаж. Останавливается у Нащокина, в доме в Гагаринском переулке. «Завтра буду писать тебе, – сообщает жене по приезде. – Сегодня мочи нет, устал».

24–27 декабря. Из Москвы в Петербург. Нащокин, вероятно, вновь проводил друга до заставы. В газетном перечне прибывших в столицу пассажиров названо имя Пушкина.

1832

17–21 сентября. Из Петербурга в Москву «поспешным дилижансом». Остановился в гостинице «Англия».

10–12 октября. Из Москвы в Петербург. В почтовом дилижансе. О приезде поэта есть сообщение в «Санкт-Петербургских Ведомостях».

1833

17–25 августа. Из Петербурга в Москву с заездом в Павловское, к Вульфу, и в Ярополец, к теще Наталии Ивановне Гончаровой. До Торжка путешествует вместе с Сергеем Соболевским: «... Теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец, а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром».

В собственном экипаже, на перекладных.

«Дороги проселочные были скверные; меня насилу тащили шестерней», – сообщает жене. По пути из Яропольца в Москву Пушкин заезжает в село Захарово, связанное с воспоминаниями детства, где его встречает дочь Арины Родионовны Марья.

17–20 ноября. Из Москвы в Петербург. В собственном экипаже, на перекладных. По просьбе Нащокина берет с собою Льва Нарского, младшего брата невесты друга.

1834

17–20 августа. Из Петербурга в Москву. На перекладных. Пушкин приезжает в Москву, на несколько часов останавливается в доме Гончаровых на Никитской и едет к жене на Полотняный Завод.

11–14 октября. Из Москвы в Петербург. На «перекладных». Приезжает к семье, в дом Баташева на Французской набережной.

1836

29 апреля—2 мая. Из Петербурга в Москву с остановкой в Твери (с 1 на 2 мая Пушкин ночует в тверской гостинице). На «перекладных». Гостит у Нащокина, в доме в Воронниковском переулке.

20–23 мая. Из Москвы в Петербург. На перекладных. На прощанье Павел Войнович дарит другу кольцо с бирюзой – талисман от насильственной смерти.

Путешествие в Петербург – последнее в страннической жизни Пушкина.

Экипажи, ямщики, дороги

«Я ехал к вам»

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

А.С. Пушкин

Стучали колеса повозок, скрипели полозья саней, наполнились ветром паруса – 35 тысяч верст и сотни морских миль, почти окружность земного шара! – преодолел за свою жизнь странник-поэт: проехал, прошел, проплыл... И большую часть того долгого пути – в экипажах, названия коих остались лишь на страницах старых энциклопедий да ещё в стихах.

«В своей коляске выписной»

Коляска – «повозка о четырех колёсах с крышкою. Коляска на ремнях, на пружинах. Покоевая, двухместная коляска».

«Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург, по старой дороге.

Кузнецкий мост зимой

Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь», – так начинает Пушкин свое «Путешествие из Москвы в Петербург».

И вы, читатель благосклонный,
В своей коляске выписной,
Оставьте град неугомонный,
Где веселились вы зимой...

Поэт хоть и путешествовал подчас в дешевых колясках, но своего Онегина мыслил отправить по дорогам Крыма и Кавказа с комфортом, – в лучшем по тем временам «выписном» экипаже, с клеймом венского каретных дел мастера:

Собрался – слава Богу
Июля 3 числа
Коляска венская в дорогу
Его по почте – понесла.

Но переменчивою волей автора Евгений Онегин «усажен» был в самую обычную коляску. И

Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла.

Изящная венская коляска, «изделье легкое Европы», не для горных дорог. Пушкин смог убедиться в том лично, в путешествии в Арзрум: «На другой день, услышали мы шум, крики и увидели зрелище необыкновенное: 18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, насилу тащили легкую венскую коляску приятеля моего О***. Это зрелище тотчас рассеяло все мои сомнения. Я решился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно во Владикавказ и ехать верхом до Тифлиса».

«Летит кибитка удалая»

Кибитка – «крытая повозка». На легкие дуги из дерева натягивался верх из парусины либо кожи.

Кибитка выигрывала перед коляской, каретой и возком в легкости и маневренности, потому-то Пушкин и отдавал ей предпочтение в дальних поездках.

Да и рифмуется она с самым что ни на есть прозаическим понятием:

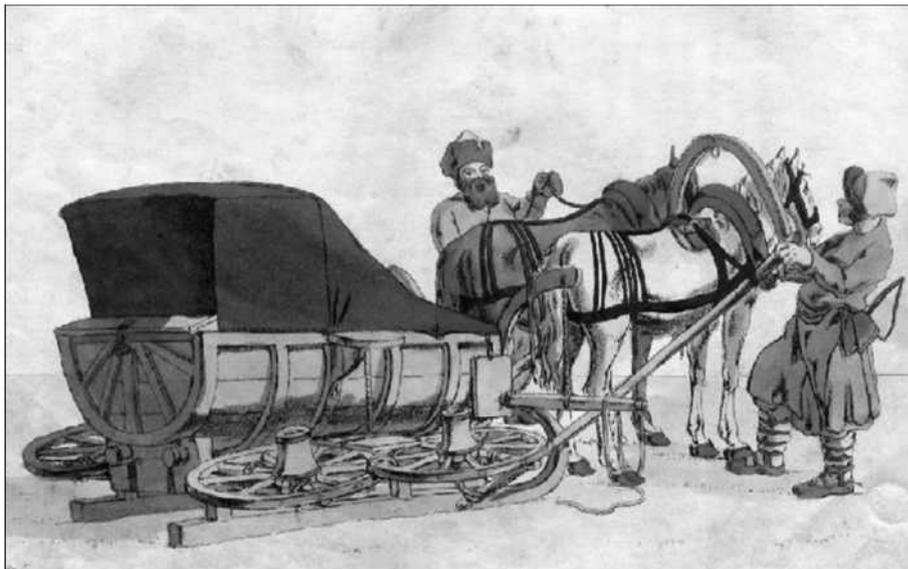
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки...

«...Поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в нее чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства», – так снарядили в дорогу Петрушу Гринева.

Пушкин подсмеивался над иностранцами, писавшими о неизвестной ими России. Даже над любимым Байроном: его герой едет русской зимой «в Петербург в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной, каменистой дороге». И справедливо пенял шотландцу: «Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста».

Самым удобным и надежным экипажем в морозную пору считались сани с кибиткой. Знакомые со школы, заученные наизусть пушкинские строки:

«Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. <...> Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю».

Кибитка для зимней дороги

Долго еще помнилось Пушкину его плавание на корабле из Феодосии в Гурзуф. Море и степь, корвет и кибитка странным образом соединились на страницах «Капитанской дочки». «Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...» Кибитка проложила свою «колею» на рукописных листах поэта:

Друзья! не всё ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

«В каретах тяжело нагруженных»

Карета – «повозка о четырех колесах, с коробом, на ремнях и пружинах повешенным»; могла быть одноместной, двухместной, четырехместной.

В поля, друзья! скорей, скорей,
В каретах тяжело нагруженных.

Была своя фамильная карета и у Пушкиных – о ней однажды упоминает красавица Анна Керн: «Я отправилась вместе с Александром Сергеевичем в старой фамильной карете его родителей на квартиру Дельвига, которая была приготовлена для новобрачных». Речь идет о молодых: Ольге Сергеевне, сестре поэта, венчавшейся тайно, без родительского благословения, и ее избраннике, чиновнике Николае Павлицеве.

А вот и князь Верецкий после венчания едет с молодой супругой домой, на дорогой карете: «...Лошади неслись быстро по кочкам проселочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах». Ее легкий ход был прерван внезапным появлением Дубровского...

Лучшими в пушкинские времена почитались кареты английской работы.

Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет

Веселый изливают свет.

Карета на московском Арбате

Пушкин словно приоткрывает дверцы роскошного экипажа вместе со своей героиней, расхваливающей приятельнице новую покупку: «... Что за карета! игрушка, заглядение – вся в ящиках, и чего тут нет: постеля, туалет, погребок, аптечка, кухня, сервиз; хочешь ли посмотреть? <...> Катерина Петровна. вошла в карету, перерыла в ней все подушки, выдвинула все ящики, показала все ее тайны, все удобства, приподняла все ставни, все зеркала...»

Дорожные кареты хоть и комфортны для путешествий, но очень уж неповоротливы и громоздки на дорогах.

Кареты, люди тонут, вязнут...

«Возок почтенный»

Возок – «зимняя повозка на полозах, с дверцами и окнами, обитая внутри сукном или войлоками, а с наружи обтянутая кожей или циновкою».

Вот старушка Ларина, внемля разумному совету, решает везти свою печальную Таню «в Москву, на ярманку невест»:

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.

А в черновиках остались полные почтения к старинному экипажу строки: «Забывтый дедовский возок», «спокойный дедовский возок».

Ведут на двор осьмнадцать кляч,

В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит фореитор бородатый.
Сбежалась челядь у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползет за ворота.

На восьмой день пути Ларины добрались-таки до Белокаменной.

...Ну! не стой,
Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

Слова как кинокадры: и звук, и цвет, и движение... Предтеча величайшего изобретения кино – «волшебный фонарь» Пушкина!

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился.

«Телега на ходу легка»

Телега, тележка – крестьянская повозка. Несмотря на мнимую простоту, телега не столь примитивна, как кажется, – в ней соединяются множество оригинальных деталей. И чтобы смастерить добротную телегу, сельскому плотнику нужно покорпеть не меньше месяца.

В старинных путеводителях самым удобным летним экипажем значилась... телега.

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,

Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошёл!.....

«Телега жизни»

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

В ноябре 1824-го из Михайловского Пушкин посылает свою «Телегу жизни» князю Вяземскому, и в письме делает красноречивую приписку: «Можно напечатать, пропустив русский титул...»

И хоть лежу теперь на канапе,
Все кажется мне, будто в тряском беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

Тележку Пушкин упомянул в примечаниях к «Евгению Онегину», пересказывая анекдот со слов некоего К**, как «будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу».

Ну чем не «драйв» Екатерининского века?!

И версты, теша праздный взор,
В глазах мелькают как забор.

Вот она, русская мечта о сверхскорости!

«Поспешный дилижанс»

*Дилижанс (от франц. *carrosse de diligence* – «проворный экипаж») – многоместная карета на конной тяге, перевозящая пассажиров и почту.*

В России первое дилижансовое общество появилось в 1820 году. Средняя скорость почтового дилижанса – всего лишь десять верст в час, но зато ехал он и днем, и ночью. Путь от Петербурга до Москвы занимал обычно четверо суток. На места в дилижансах нужно было записываться заблаговременно в особых конторах. Зимой в экипаже помещалось четверо пассажиров, летом их число возрастало.

Дилижанс в Англии

Но это сухие факты. А в письмах к жене живой голос Пушкина!

«Вот тебе мой *Itinéraire* (дневник путешествия. – *Франц.*). Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем; взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету вместе с двумя товарищами. А я еще и человека с собою не взял в надежде путешествовать одному. Один из моих спутников был рижский купец, добрый немец, которого каждое утро душили мокроты... <...> Вообрази, какая веселая компания. Немец три раза в день и два раза в ночь аккуратно был пьян. <...> Вслед за нами ехали в дилижансах трое купцов, княгиня Голицына (Ланская), приятель мой Жемчужников. Всё это останавливалось вместе; ни на минуту не было покоя; в Валдае принуждены мы были пересесть в зимние экипажи, и насилу дотащились до Москвы» (8 декабря 1831).

«Не сердись, женка; дай слово сказать. Я приехал в Москву, вчера в среду. Велосифер, по-русски Поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и неслышанная вещь! их подковывали на дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, отроду не видел ничего подобного. Насилу дотащился в Москву.

Теперь, послушай, с кем я путешествовал, с кем провел я 5 дней и 5 ночей. То – то будет мне гонка! с пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и в черных вуалях. Каково? Ей богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка, и как маленький Иосиф вышел чист от искушения» (22 сентября 1832).

Дилижанс в России

Дилижансам не «посчастливилось» быть воспетыми Пушкиным, но в прозе им отдана дань уважения:

«Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из Тверской заставы. <...> Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться».

Поистине, бесценное свидетельство: по словам задушевного приятеля поэта Нащокина, «“Сказку о царе Салтане” написал он в дилижансе, проездом из Петербурга в Москву». Видимо, то были черновые наброски, так как сама сказка появилась на свет в Царском Селе. Но замысел ее родился в дороге, в «поспешном дилижансе»!

Дороги и дорожные правила

Как досадовал поэт на русское бездорожье!

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют.

Но однажды отечественные дороги удостоились-таки похвалы Пушкина:

«Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились». И приводит пример подобной «заботы»: «... дерн есть уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землей, которая при первом дожде обращается в слякоть?» «Летом дороги прекрасны, – развивает “дорожную тему” поэт, – но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и

полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы».

Ездили в пушкинскую эпоху «на перекладных» или «на почтовых», то есть на казенных лошадях, которые менялись на почтовых станциях. Немало было и любителей езды «на вольных» – когда ямщики нанимались по вольной, договорной цене; «на долгих» – путешественник брал пару или тройку лошадей «от места до места». Езда «на долгих» свое название оправдывала – ведь лошадей на станциях не меняли, – зато обходилась дешевле. Можно было ехать и «на своих»: так отправилась в Москву барыня Ларина с дочерью:

К несчастью Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладились
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

За почтовых лошадей взимались «прогоны»: за каждую лошадь и версту путешественник платил в зависимости от тракта, как правило, 8—10 копеек. И сколько полезных сведений мог он почерпнуть из «Ручного дорожника для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами» либо «Карманного почтового путеводителя»!

Число лошадей, впрягаемых в экипаж, определялось согласно чину и званию. «Особы 1-го класса» обладали правом на двадцать лошадей, и ехали обычно «поездом» в несколько экипажей. Александр Сергеевич, имевший чин коллежского секретаря (чиновник 10-го класса), а с 1831 года – титулярного советника (13-го класса), мог получить лишь три лошади. По сему поводу Пушкин не без иронии заметил: «Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьёшься лошадей».

Обычная скорость дорожного экипажа была невысока. Привилегией исключительно быстрой езды обладали лишь фельдъегеря, обязанные ездить «столь поспешно, сколько сие будет возможно». И только для них на почтовых станциях всегда имелись в запасе крепкие курьерские лошади.

Стремглав по почте поскакал...

Скорость «фельдъегерской» езды кажется фантастической. Несколько исторических примеров: графа Олизара, арестованного в 1826-м по делу декабристов, фельдъегерь вез из Киева в Петербург со скоростью 420 верст в сутки! Из Царского Села в Москву фельдъегерь с известием о взятии Варшавы примчался за 43 часа!

Не зря, видно, Пушкин как-то обмолвился о «фельдъегерском геройстве». Любопытна и его дневниковая запись: «3 <декабря 1833 г.> Вчера Государь возвратился из Москвы – он приехал в 38 часов». Такая сверхбыстрая, поистине царская езда (к слову, небезопасная!) поразила воображение поэта.

«Из почтенного сословия зрителей»

Отдохнуть и переменить усталых лошадей путешественники могли на почтовых станциях. «Кто не проклинал станционных зрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода?» – с этих риторических вопросов и начинается знаменитая пушкинская повесть.

По «Высочайше изданным» правилам станционные смотрители, мелкие чиновники, не имевшие никакого классового чина, «находясь при своих местах», пользовались «в ограждении обид» правами коллежского регистратора.

«Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев и то не всегда. Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут – а виноват смотритель. <...> Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую.

Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут – колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол подорожную!.. Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием».

Удивительно, как маленькая повесть отозвалась в посмертной судьбе ее гениального автора. И где?! Во Франции!

...В историю пистолетов, что в январе скорбного 1837-го держали в руках дуэлянты Александр Пушкин и Жорж Дантес, вплелись имена и судьбы представителей разных эпох: дипломатов, танцовщиков, политиков, поэтов, президентов – барона де Баранта, Лифаря, Лермонтова, Миттерана, Горбачева. И еще потомка поэта – Георгия Воронцова-Вельяминова.

Известно, что младший сын барона Эрнест де Барант по просьбе виконта д'Аршиака, секунданта Дантеса, одолжил своему приятелю дуэльные пистолеты, принадлежавшие отцу. (К слову, эти же пистолеты в начале 1840-го участвовали и в дуэли между Михаилом Лермонтовым и Эрнестом де Барантом, по счастью, бескровной.) Сын посланника ко времени своего поединка с Лермонтовым числился атташе французского посольства. Судьба младшего Баранта, «салонного Хлестакова», более ничем не примечательна, потомства он не оставил и скончался холостяком в сентябре 1859 года.

«Стволы роковые» меняли владельцев: вначале им стал старший сын барона Проспер де Барант, затем – муж его сестры полковник Луи де Шательперон.

В 1937 году дуэльная пара была представлена в Париже на юбилейной пушкинской выставке, душой и создателем которой стал знаменитый Серж Лифарь. А потом следы пистолетов затерялись.

У наследников полковника их выкупил французский антиквар, затем они попали к коллекционеру Пьеру Полю, завещавшему свое собрание городу Амбуазу для создания в нем Музея почты.

А несколько ранее раритетные пистолеты хранились в частном музее в местечке Лимрэ, близ Амбуаза, где и были обнаружены Георгием Воронцовым-Вельяминовым, правнучком поэта, опубликовавшим на страницах «Огонька» статью о своей находке.

Вечная загадка: какой же из дуэльной пары работы дрезденского мастера Карла Ульбриха послал свой смертельный заряд? Дуэльные пистолеты так и остались вместе, как два орешка под скорлупой, в своем дорогом футляре, соединив навечно имена поэта и его убийцы. И эти пистолеты, наделенные недоброй славой, не затерялись, не исчезли в потоке времени, а обрели статус музейных экспонатов. Будто в назидание потомкам.

Во время визита Михаила Горбачева во Францию в 1989 году президент Франсуа Миттеран сделал широкий жест – передал своему российскому коллеге злосчастные пистолеты. Так дуэльная пара вновь оказалась в Петербурге, в доме поэта на набережной Мойки, 12.

Ценный экспонат водрузили в центре выставочного зала. И в тот же день, как вспоминает директор пушкинского музея Сергей Некрасов, случилась беда: в зале, куда поместили дуэльную пару, внезапно обрушился потолок...

А в самой Франции не кончались протесты: президент Миттеран не имел права передавать России раритет, имеющий исторический статус! И «роковое оружие» вновь отправилось с берегов Невы к берегам Луары, в Амбуаз.

Как и прежде, табличка в Музее почты лаконично сообщает, что одним из дуэльных пистолетов был смертельно ранен русский поэт Пушкин, автор. «Станционного смотрителя».

«Кто не проклинал станционных смотрителей?» Однажды пришлось выслушать подобную брань в свой адрес и Александру Сергеевичу. Невольно он оказался в роли станционного стража, и сыграл ее достойно: с пользой для себя и безымянных спутниц.

«Ух, женка, страшно! – делает “важное признание” Пушкин в сентябре 1833-го. – Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко? <...>... На второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едушую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня (за смотрителя) весьма дурно и нараспев начала меня усовещивать и уговаривать: как вам не стыдно? на что похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете. – Право? сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которые она имела всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал. <...>

Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего – они отстали на 3 или 4 станции – и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то что не хороша, ангел мой Таша, о том то я и горюю».

Страсти по каретникам

Претерпел Александр Сергеевич не только от станционных смотрителей, но и от каретных дел мастеров. Вот лишь малая толика сетований поэта, известных из его же писем друзьям и жене:

«Мой милый Соболевский – я снова в моей избе. 8 дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных»;

«Вот я и в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей; самый неприятный анекдот было – то, что сломались у меня колеса, растрясенные другом и благодетелем моим г. Соболевским».

«Мое путешествие было скучно до смерти. Никита Андреевич купил мне бричку, сломавшуюся на первой же станции, – я кое-как починил ее при помощи булавок, – на следующей станции пришлось повторить то же самое – и так далее».

«Я задержан в карантине в Платаве: меня не пропускают, потому что я еду на перекладной; ибо карета моя сломалась».

«Каретник мой плут; взял с меня за починку 500 руб., а в один месяц карета моя хоть брось. Это мне наука: не иметь дела с полуталантами. Фрибелиус или Иохим (петербургские каретные мастера. – Л. Ч.) взяли бы с меня 100 р. лишних, но за то не надули бы меня».

«В Москве пробуду я несколько времени, то есть два или три дня. Коляска требует подправок. Дороги проселочные были скверные; меня насилу тащили шестерней. В Казани буду я около третьего. Оттоле еду в Симбирск».

«Каретник насилу выдал мне мою коляску; нет мне счастья с каретниками».

Меж тем, как сельские циклопы
Перед медлительным огнем

Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

И в «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин недобрым словом поминает «сельских циклопов»:

«Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагоприятно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый».

Забрызганный в дороге дальней,
Опасно раненый, печальный
Кой-как тащится экипаж;
Вслед барин молодой хромает...

«Мои приятели смеялись над моей изнеженностью, но я не имею и притязаний на фельдъегерское геройство и, по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал».

«Мой ямщик»

Сто верст в сутки – такова была обычная скорость езды. Верное средство ее удвоить – дать ямщику на водку: по зимней дороге можно лихо промчаться, минуя до двухсот верст в сутки!

Зато зимы порой холодной,
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной —
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки...

Автомедон – возникший боевой колесницы Ахилла, храбрейшего из мифических героев, и его боевой товарищ; упоминается в «Илиаде» Гомера как участник похода против Трои. Имя его стало нарицательным для ловкого возницы. А поэт, посмеиваясь, именуется так всякого ямщика.

Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.

Случалось, Пушкину было не до смеха: дважды российские «автомедоны» чуть не лишили его жизни: под Псковом и под Тарутином. Но оба случая – со счастливым исходом.

«Путешествие мое вдвоем с Пушкиным в Петербург было довольно приятно, – свидетельствует Алексей Вульф, – довольно скоро и благополучно, исключая некоторых прижимок от ямщиков. Мы понадеялись на честность их, не брали подорожной, а этим они хотели пользоваться, чтобы взять с нас более».

Бывало, из-за ямщиков поэту приходилось менять намеченный маршрут: «...Стали закладывать мне лошадей – гляжу, нет ямщиков – один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой...»

Но на ямщичью братию Пушкин сердца не держал, любил ее за удалую езду! И за песни.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

Что ж, как шутливо признавался Александр Сергеевич:

От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло.

«...В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию почти по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы...»

Как согласуется исповедь героя «Станционного смотрителя» со страннической судьбой Пушкина! Но вот имен тех лихих ямщиков, коим так часто вверял свою жизнь русский гений, история не сохранила.

...Путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

«До свиданья, читатель! Ямщик, погоняй!»

Дорожные опасности

«Коляска на бок»

*Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил...*

А. С. Пушкин

Тот день – 23 ноября 1826 года – выдался для Пушкина несчастливым: по пути из Михайловского в Москву, у села Козырьково, коляска его опрокинулась, и он довольно-таки серьезно пострадал. И всё «из-за отвратительных дорог»!

Коляска на бок. – «Филька, Васька!
Кто там? скорей! Вон там коляска.
Сейчас везти ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он?.. беги проведать...»

Бедного путешественника отвезли в Псков, в гостиницу, или трактир, как именовал свое пристанище поэт. Жизненные планы – оказаться в Москве первого декабря – смешал случай. А ведь Пушкин торопился в столицу, «чтобы быть у ног Софи», красавицы Софии Пушкиной, своей дальней-предальной родственницы, и просить ее руки!

Из Пскова летит письмо московскому приятелю Зубкову: «Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю. Довольно об этом; жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых».

«Дорожные жалобы» сменяются то тревогами, то надеждами на скорое счастье: «Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой – неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно – вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. – Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером – судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?.. Бог мой, как она хороша!... Уговори ее, упроси ее... и жени меня».

Тягостные недели в Пскове, и вот наконец-то долгожданный день, четверг 16 декабря, – на почтовых Пушкин мчится в родную Москву. Теперь уж надолго: до мая будущего года!

Московские друзья верят и не верят приезду поэта, даже бьются об заклад друг с другом. Но это чистая правда – в воскресенье Пушкин уже в Первопрестольной! Приезжает – и сразу к Соболевскому, в его дом на Собачьей площадке.

Вот и другое памятное происшествие, случившееся много позже. Так описывает его в дневнике сам Александр Сергеевич: «Отправился (из Москвы. – Л. Ч.)... в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем. – “Какие мы разбойники? – говорили мне они. – Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь”».

Стоит пояснить: Тарутино – село в Калужской губернии, неподалеку от Боровска, где в октябре 1812 года русские одержали победу над войсками Наполеона. По ходатайству графа

Румянцева, владельца имения, крестьяне его признавались вольнонаемными, они же обязались на свой счет поставить памятник в честь победы. А в биографии поэта славное калужское село могло стать роковым...

«Только версты полосаты...»

Но сколько опасностей иного рода подстерегали в дороге! «Веселые» пушкинские «жалобы»:

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

*Пушкин и граф Хвостов. 1830 г.
Художник П. Челищев*

«Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю, – спрашивал поэт свою Наташу. – Приключения мои начались у Троицкого моста. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была перетянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше, и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. <...> Вот, мой ангел, подробный отчет о моем путешествии. Ямщики закладывают коляску шестерней, страшая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу, буду писать тебе из Ярополица».

Был август 1833 года. Путешествие Пушкина к «гордым волжским берегам» и на Урал только начиналось.

Дорожные казусы и развлечения

«С калмычками не кокетничаю»

*На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают...*

А.С. Пушкин

«Что сказать вам о моем путешествии? – из Торжка вопрошает Пушкин княгиню Веру Вяземскую, – оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и проч., очень беспокоят двух моих спутников, – я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда придется путешествовать совместно, необходимо кое-что прощать друг другу» (*франц.*).

Любое путешествие предполагало неудобства: и обычную тесноту в экипажах, и слишком разговорчивых попутчиков. Но что особо досаждало, так это полчища «кровососущих» (чем «славились» почтовые станции!), напрочь лишавших сна.

Так случилось и с Пушкиным в доме грузинского городничего, где после горного пешего перехода остановился он на ночлег: «Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут то было! блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою».

А еще непролазная грязь на дорогах!

«До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст».

Такова проза жизни романтического девятнадцатого столетия.

Случались и особого рода дорожные неприятности. Не единожды поминал Пушкин столь нелюбимых им зайцев в письмах к жене: «Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее, – сетовал он из Симбирска, – <...> Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал».

«Въехав в границы Болдинские, встретил я попов, и так же озлился на них, как на симбирского зайца». Пушкин и сам считал себя человеком мнительным, верил в различные приметы и суеверия. Все же однажды перебежавший дорогу длинноухий в буквальном смысле спас поэта. Не повороти Пушкин коней из-за дурной приметы назад, в Михайловское, то быть бы ему на Сенатской площади в Петербурге. И, как знать, не пришлось ли тогда Александру Сергеевичу разделить печальную участь друзей-декабристов...

Развлечений в дороге немного: разве что поиграть в шахматы, – Алексей Вульф вспоминает о шахматных баталиях с поэтом, что случались на почтовых станциях на пути из Малинников в Москву; или бросать по бутылке на каждой станции, как шутливо советовал Пушкин приятелю.

Но главное, взять в дорогу книги! Вот оно, самое подробное наставление: какие из них следует захватить в долгую поездку.

«Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастись книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из Английского клуба или собираясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадетс я вам в каземате или в поспешном дилижансе. Скажу более: в таких случаях чем книга скучнее, тем она предпочтительнее. <...>

Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением – оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания etc. <...> Вот на что хороши путешествия.

Лихая тройка

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю**, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. <...> «Постой, – сказал мне**, – есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он книгу, по-видимому изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее, – сказал он таинственным голосом. – Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее и прочел заглавие. «Путешествие из Петербурга в Москву» С.П.Б. 1790 год».

Вместе с раритетом Пушкин повторил историческое путешествие: «В Черной Грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург».

«Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня...» Это уже иной год, и иной путь. На долю книг, «странствовавших» вместе с поэтом на Урал, выпали почти те же дорожные неудобства, что и их именитому владельцу.

К тому же взятый в то путешествие слуга неимоверно раздражал своего хозяина. «Вообрази себе тон московского канцеляриста, – обращается к жене поэт, – глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только». Все же терпению Пушкина настал конец: на обратном пути он ссадил пьяного Гаврилу с козел, оставив его «в слезах и в истерике».

Любопытно: в дороге поэт преобразался. И принимал совсем иной вид, столь не похожий на хрестоматийный, – Пушкин усатый! Пришлось даже отказаться от бала у московского почт-директора Булгакова, а причиной тому, по признанию поэта, стало «небритие усов, которые отращаю в дороге»!

Но вот о любовных приключениях, что могли случиться в пути, Пушкин умалчивает. Вернее, сообщает о том ревнивой Натали в исключительно игриво-шутливых тонах:

«Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-летними старухами – а на молоденьких, шестидесятилетних и не глядел».

«Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю – и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику».

Щеголь на дрожках

Красавице Натали адресованы и другие строки, отнюдь не шуточные: «Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по 3 месяца в степной глуши... – для чего? – Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой. Побереги же и ты меня».

Подорожная

«По надобностям службы»

К счастью, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини.

А. С. Пушкин

Нет пути без подорожной: без заветного листа смотритель попросту не выдаст лошадей! Должность и фамилия путешественника, его маршрут, по казенной или по своей надобности он едет, каких лошадей следует ему дать, «почтовых» или «курьерских», их число – всё это прописывалось в подорожной. Без нее нельзя было выехать за городскую заставу: только после проверки подорожной у ворот поднимался полосатый шлагбаум.

В дорожном паспорте «на проезд от Петербурга до Тифлиса и обратно», выданном Пушкину в марте 1829 года, предписывалось: «Станционным смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания, и к проезду оказывать всякое содействие». Скрепляла документ подпись Санкт-Петербургского почт-директора Константина Булгакова.

Надо полагать, в российских городках и весях станционные смотрители с должным трепетом брали в руки столь важную государственную бумагу.

Иное дело на Кавказе. Поэт приводит забавную историю, приключившуюся с ним в арзрумском походе: «Он (проводник Артемий. – Л. Ч.) явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций».

Именно ту самую подорожную, «на проезд от Петербурга до Тифлиса», и не удосужился Пушкин предъявить доблестному стражу!

А.С. Пушкин. 1831 г.

Неизвестный художник

Не единожды приходилось поэту хлопотать о дорожном паспорте. «Вот тебе отчет с самого Натальина дня, – летит письмо к жене. – Утром поехал я к Булгакову извиняться и благодарить, а между тем и выпросить лист для зрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стихи».

По курьерской подорожной...

Самая известная подорожная поэта датируется маем 1820-го: «По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийского. Податель сего, Ведомства Государственной коллегии иностранных дел Коллежский Секретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к главному попечителю колонистов Южного края России, генерал-лейтенанту Инзову...»

Обладатель дорожного паспорта предъявлял его станционным зрителям в Великих Луках и Витебске, Чернигове и Екатеринославе, Таганроге и Новочеркасске, Ставрополе и Горячих водах (Пятигорске), Кисловодске и Екатеринодаре, Тамани и Симферополе, Одессе и Тирасполе... И наконец-таки – в Кишиневе!

Такой долгий кружной путь объяснялся счастливыми для Пушкина случайностями. И той, что в Екатеринославе его, больного, лежащего в бедной хате в бреду и горячке, нашел генерал Раевский, ехавший с сыном Николаем и двумя дочерьми на кавказские воды. И той, что добрейший генерал Инзов дал ему разрешение, – ведь Пушкин находился в его подчинении, – вместе с семейством Раевских ехать на Кавказ и далее в Крым.

Пройдет много лет, и в двадцатом столетии подорожная свершит свое ирреальное путешествие, «отправившись» в Париж вместо самого владельца. Будто своевольно исполнит мечту Пушкина: окажется на берегу Сены у стен Нотр-Дама, в самом центре французской столицы! Там, в лавке букиниста, «беглянку» и обнаружит Сергей Лифарь. Уже его волей подорожная будет отослана в родной Петербург, туда, где некогда в недрах дворцовой канцелярии она и явилась на свет. Ей суждено будет стать бесценным экспонатом пушкинского музея и свидетельством давних странствий поэта.

Не только у книг есть своя судьба, – любимое латинское изречение Пушкина! – но и у отживших свой век старых-престарых подорожных.

«По Мясницкой разъезжать...»

Дорожные жалобы гурмана

Чтоб уха была по сердцу»

*...В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит...*

А. С. Пушкин

Вдоволь покатался Александр Сергеевич по России-матушке. Испытал на себе всю «прелесть» заезжих трактиров:

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

Пушкин на литературном обеде в книжной лавке А.Ф. Смирдина. 1832 г. Художник А. Брюллов

Но случались в пути и счастливые кулинарные открытия. Воспел поэт славные котлеты, что подавала в Торжке в своем трактире толстая и любезная хозяйка Дарья Пожарская.

Готовились котлеты из нежнейшего филе пулярки. К гарниру полагались зеленые овощи, и все блюдо перед подачей поливалось особым соусом: растопленное и доведенное

до орехового цвета масло обильно сбрызгивали лимоном. По свидетельству современника, котлеты мадам Пожарской «понравились Государю Николаю Павловичу и вошли в моду. Мало-помалу слава пожарских котлет дошла до того, что сама Дарья уже нанимала с кухни графа Нессельроде поваров готовить их. Ловкая девка, толстая, рослая и себе на уме стала вхожа ко Двору...». Варила она к тому же и «славный квас».

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет.

О знаменитых котлетах Пушкин упоминает в письме к Соболевскому, где дружески наставляет приятеля, как легче и веселее преодолеть путь от Москвы до Новгорода:

«Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом на голос: «Жил да был петух индейской»

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони
Да яишницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То – то друг мой растарашит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели, —
Влей в уху стакан Шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипятке
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок».

Много позже уже гурман Соболевский развивает «рыбную тему». «Привези-ко сушеных стерлядей, – просит он странствующего по волжским берегам друга, – это очень хорошо; да и балыков не мешало б. Все это завязать в рогожу и подвязать под коляску; нет никакой помехи...»

«Яжельбицы – первая станция после Валдая, – продолжает напутствие Пушкин. – В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок

И скорее поезжай.

Гостиница Пожарского в Торжке. 1970-е гг. Фотография

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие».

«Я музу резвую привел». 1928–1933 гг.

Художник Н. Кузьмин. Иллюстрация к «Евгению Онегину»

Советы путешественнику от Пушкина не устарели и по сей день. Но главное в них – поэтический рецепт. К слову, «Шабли», без чего настоящую уху из форели не сварить, одно из лучших белых французских вин, – прозрачное, крепкое и быстро пьянящее.

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

В дальних странствиях Пушкин довольствовался пищей, экзотической для европейца. Незабываемы гастрономические впечатления, «вынесенные» из арзрумского похода:

«В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она (калмычка) предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад».

«За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских».

«На половине дороги, в армянской деревне, выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я проклятый *чурек*, армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою, о котором так тужили турецкие пленники в Дариальском ущелии. Дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба, который был им так противен».

Правда, позднее Пушкин иначе отзовется об армянской кухне: отведав баранины с луком, приготовленной старухой армянкой, он назовет жаркое «верхом поваренного искусства»!

А в Уральске войсковой атаман и казаки славно принимали именитого гостя: дали в честь поэта два обеда, пили за его здоровье. На берегу бывшего Яика казаки угощали гостя свежей икрой из пойманных при нем же осетров, – чем и заслужили похвалу поэта.

Расхожую истину, что желудок якобы добра не помнит, Александр Сергеевич отвергал. Более того, уверял: «Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность».

Дорожные мечты

«Воображаю... чугунные дорога»

*Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.*

А.С. Пушкин

Чудо-паровоз

Великий путешественник Пушкин исколесил тысячи верст по необъятной Российской империи, натерпевшись от «милостей» зрителей, трактирщиков и сполна познав «преlestи» родного бездорожья. И среди всех мытарств мечтая о необычной дороге. Чугунной!

Так уж совпало, что первая в России железная дорога, связавшая Петербург с Царским Селом, загородной царской резиденцией, и Павловском, была открыта в год смерти поэта – в 1837-м.

Но двумя годами ранее, в июне 1835-го, Николай I написал августейшую резолюцию на докладной записке профессора Франца Августа фон Герстнера «О выгодах от построения железной дороги»: «Читал с большим вниманием и убежден, как и прежде был, в пользу сего дела, но не убежден в том, что Герстнер нашел довольно капиталов, чтобы начать столь огромное предприятие. На сей предмет желаю от него объяснений письменных; потом, если нужно, призову к себе. Дорогу в Царское Село дозволяю, буде представит мне планы».

В январе 1836-го фон Герстнер обращается к председателю Государственного совета и Комитета министров Н.Н. Новосильцову: «Если же дорогу нельзя будет открыть в октябре 1836 года для пользования будущей зимою, то и решение вопроса о пользе железной дороги в России замедлится целым годом».

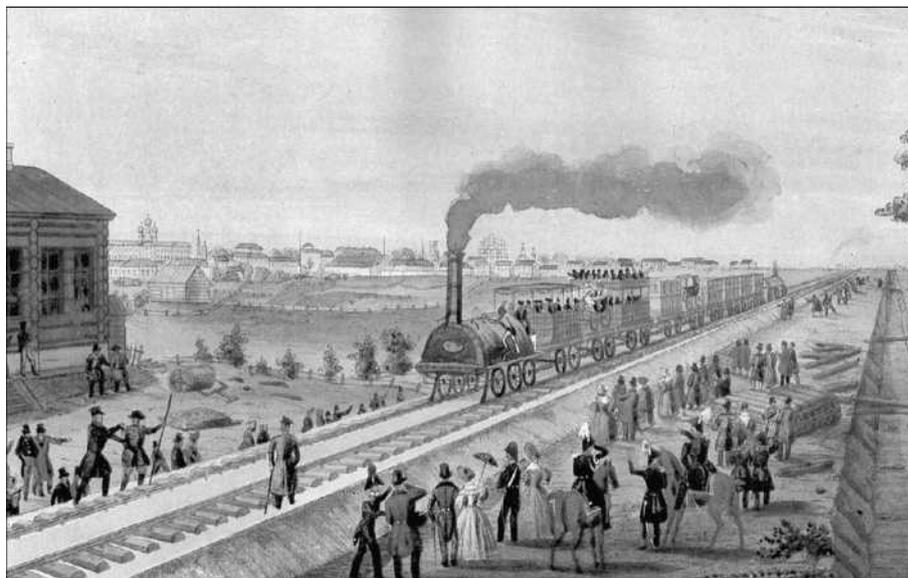
Ах, как торопил профессор Венского университета, приехавший в Россию с единственной целью – построить в северной стране первую железную дорогу, желанное событие!

Свершилось! Движение для ознакомления петербургской публики по новому пути открылось в сентябре того же 1836-го. А 30 октября паровоз «Проворный» уже провел первый состав из Петербурга в Царское Село! Результаты испытаний внушали оптимизм, и Франц Герстнер торжествовал: «Все были довольны, кроме тех, которые предсказывали, что дорогу занесет снегом».

Но пройдет еще год, когда слегка оробевшие первые пассажиры займут свои места в вагонах поезда...

«Не можем изобразить, как величественно сей грозный исполин, пыша пламенем, дымом и кипячими брызгами, двинулся вперед...» – восторженно писали в те дни столичные газеты. С тех первых двадцати семи километров рельсового пути и начался отсчет будущих тысячекилометровых чугунных и стальных магистралей. Век железных дорог только начинался.

«Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы... то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство», – с горечью писал двадцатисемилетний поэт-изгнанник из далекой своей Псковской губернии.

Поезд Царскосельской железной дороги. 1837 г. Литография

Так и не довелось Александру Сергеевичу побывать в Туманном Альбионе, увидеть чудо-паровоз, хоть раз проехаться по «чугунке». А вот вдова поэта и его дети уже вовсю пользовались благами цивилизации: их путешествия из Петербурга в Москву по железной дороге были скорыми и неустойчивыми. Первый поезд, пущенный по новой Петербурго-Московской железной дороге (Николаевской ее стали называть позже), преодолел расстояние между двумя столицами всего за 21 час 45 минут!

Павел Петрович Мельников, первый российский министр-путеец

Любопытные записи из дневника Леонтия Дубельта, начальника штаба корпуса жандармов, печально известного тем, что он опечатывал и разбирал пушкинские рукописи после смерти поэта:

«1851 год. 1 ноября. В 11 часов утра отправлен первый поезд в Москву по железной дороге. 5 вагонов, 200 пассажиров.

2 ноября. Слышны были жалобы на Московской железной дороге, что пассажиров заставляют снимать шляпы, и что желающих ехать 1-го ноября в Москву было до тысячи человек, а приняли в вагоны только двести».

Но негласное открытие дороги состоялось раньше, еще в августе того же года, и самыми первыми пассажирами стали солдаты лейб-гвардии Семеновского и Преображенского полков. Вслед за отважными гвардейцами совершил свое железнодорожное путешествие в Москву император Николай I и остался им чрезвычайно доволен.

Правда, случалось, что локомотивы ломались где-то на полпути к станции, и бедолаги-пассажиры, ставшие заложниками паровой машины, с завистью смотрели из вагонных окон на пронесившиеся мимо привычные лихие тройки. Однако подобные казусы не смогли охладить народной любви к «чугунке».

Исторический факт: еще до появления железных дорог Пушкин писал князю Владимиру Одоевскому: «Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород еще была бы нужнее дороги из Москвы в Петербург – и мое мнение – было бы: с нее и начать...»

Выгода очевидная – Нижний Новгород, промышленный центр России, стал бы ближе к Москве, да и добираться поездом до знаменитой Макарьевской ярмарки удобнее. Сократился бы путь до нижегородского сельца Болдино и для Александра Сергеевича. Как весело прокатиться по «чугунке», а не в дорожной кибитке, останавливаясь на почтовых станциях и меняя усталых лошадей!

А поводом для письма к князю послужили увидевшая в 1835-м свет брошюра Н.И. Тарасенко-Отрешкова «Об устройстве железных дорог в России», в коей автор доказывал ненужность и убыточность железной дороги между Петербургом и Москвой, и статья М.С. Волкова, с сомнением отнесшегося к подобным «научным изысканиям»: «Статья Волкова писана живо, остро. Отрешков отделан очень смешно...»

Пушкин поддержал тогда автора критической статьи: железным дорогам на Руси быть! Более того, он задумывается уже о таком препятствии, как снежные заносы: «Для сего должна быть выдумана новая машина, sine qua non (во что бы то ни стало). О высылке народа, или о найме работников для сметания снега нечего и думать: это нелепость». Так что Пушкин должен войти в истории железнодорожного дела России как автор идеи снегоочистителя!

Григорий Александрович и Варвара Алексеевна Пушкины. Начало 1900-х гг. Фотография

И не только. Ведь это он первым предложил проложить железнодорожные рельсы от Москвы до Нижнего Новгорода! Так что нынешняя магистраль – воплощенная пушкинская мечта – по праву должна носить имя великого поэта. И, может быть, стоит подумать, чтобы в недалеком будущем появился и скоростной экспресс «Александр Пушкин»?

По удивительному стечению обстоятельств один из тех, чьими трудами создавалась главная железная дорога России, соединившая две ее столицы, ученый-инженер Павел Мельников стал свойственником великого поэта.

Павел Петрович Мельников, почетный член Петербургской Академии наук, кавалер орденов Св. Владимира и Св. Анны первых степеней. Он же – автор теоретического труда «О железных дорогах», изданного при жизни Пушкина. И первый министр путей сообщения.

Племянница министра Варвара Мельникова вышла замуж за младшего сына поэта Григория Пушкина. «Я – счастливейшая из женщин России, – любила повторять она, – мне выпала редкостная судьба быть невесткой Пушкина».

Так причудливо соединились в отечественной истории имена первого русского поэта и первого российского министра-путейца.

Тоннель под Ла-Маншем

«Пушкин есть пророчество и указание», – веровал Федор Достоевский. Справедливость тех слов выверена самим временем. И даже в таком, казалось бы, несвойственном Пушкину техническом аспекте.

Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

Не о будущем ли тоннеле под Ла-Маншем мечталось Пушкину? Предвидение поэта исполнилось лишь на исходе двадцатого века! Инженерной мысли понадобилось вовсе не пятьсот лет, как предсказывал некогда Пушкин. Ровно через сто шестьдесят лет после появления в «Евгении Онегине» этих поэтических строк с английского берега стали прорывать «дерзостные своды»!

Сам проект, несбыточный по тем временам, – соединить французский и английский берега, – впервые был озвучен в 1802 году: по тоннелю, прорытому под проливом, мыслилось пустить запряженных в повозки лошадей. Пушкин о том фантастическом замысле наверняка читал в русских и английских журналах, отсюда и его строки о сводах под водой!

Минет девятнадцатый век, начнет свой бег двадцатый. И лишь в декабре 1987-го гигантские ковши экскаваторов зачерпнут первые тонны английской земли, – с французского берега к прокладке тоннеля приступят чуть позже. О размахе работ легко судить по кубометрам извлеченного грунта, по объему равного трем пирамидам Хеопса!

Евротоннель между Дувром и Кале, общей протяженностью пятьдесят два с половиной километра, из них тридцать восемь – под водой, был открыт 6 мая 1994 года. В преддверии юбилея Александра Сергеевича...

Хотя вряд ли кто-либо из тысяч путешественников, ежечасно садящихся в скоростной экспресс, чтобы в мгновение ока очутиться в туманном Альбионе или благословенной Франции, помнит о поэтическом пророчестве русского гения.

«Заманчивые волны»

«Открылись мне берега Крыма»

Лети, корабль, неси меня к пределам дальным...

А.С. Пушкин

На календаре Российской империи – год 1817-й. Выпускник Царскосельского лицея Фёдор Матюшкин отправляется в кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка» под началом адмирала Головнина.

Пушкин провожает друга и дает «наставления, как вести журнал путешествия». Рекомендует другу «настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы».

Необычное лицейское прозвище Матюшкина «Плыть хочется» точно отзовется в его судьбе: побывал он в морских кругосветках, видел берега Англии и Бразилии, бороздил воды Северного Ледовитого океана, участвовал в морской блокаде Дарданелл и Константинополя. Это к нему, счастливцу Федору Матюшкину, обращены пушкинские строки:

Завидую тебе, питомец моря смелый.

И все же однажды Пушкин тоже стоял на корабельной палубе, и паруса шумели над его головой.

Единственное морское путешествие поэта. Но, слава Богу, оно состоялось! И известно в подробностях благодаря письмам Пушкина. «С полуострова Таманя, древнего Тмутарканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь. <...>

Из Керчи приехали мы в Кефу (Кафу, Феодосию. – *Л. Ч.*)... <...> Отсюда морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в Юрзуф, где находилось семейство Раевского. Ночью на корабле написал я Элегию, которую тебе присылаю ...» – пишет он брату Левушке.

Вид Гурзуфа

Весь день 15 августа 1820 года Пушкин вместе с Раевскими плывет из Тамани в Керчь, где посещает Митридатову гробницу. По дороге из Керчи в Феодосию путешественники осматривают развалины древней Пантикапеи на Золотом холме. И только на рассвете 18 августа из Феодосии отплывают в Гурзуф. На борту военного корвета¹, под качку волн и гудящий в парусах ветер, легли строки пушкинской элегии:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Элегия увидела свет на страницах журнала «Сын Отечества» без подписи и с пометой: «Черное море. 1820. Сентябрь». Пушкин предполагал дать ей байроновский эпиграф: «Прощай, родная земля».

Спустя пять лет, в Михайловском, Пушкин опишет впечатления давнего плавания, с кинематографической четкостью врезавшиеся в его память:

«Из Азии переехали мы в Европу² на корабле. <...> Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было, звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы... “Вот Чатырдаг”, сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал. Перед светом я заснул. Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые

¹ Корвет «Або» – парусное судно Черноморского флота, имевшее на борту до 14 пушек, несло в феодосийской гавани брандвахтенную службу: наблюдение за движением и соблюдением судоходных правил. Капитан корвета, державшего курс на Севастополь, принял на борт прославленного генерала Раевского, его домочадцев и друзей с обязательством доставить путешественников в Гурзуф. На рейде близ Гурзуфа «Або» бросил якорь, на воду спустили шлюпки, и пассажиры благополучно достигли берега. Ночной собеседник поэта капитан Иван Дмитриев – настоящий «морской волк», награжденный за восемнадцать морских кампаний орденом Св. Георгия. По другой известной версии, Пушкин плыл на бриге «Мингрелия» – быстроходном двухмачтовом судне с парусами и открытой батареей. Капитан корабля – Михаил Константинович Станюкович, в будущем начальник Севастопольского порта и военный губернатор города; отец известного писателя-мариниста Константина Станюковича. Но, судя по архивным данным, летом 1820-го «Мингрелия» крейсировала у абхазских берегов.

² Поэт делает примечание: «Из Тамани в Керчь», но упоминает в письме две части света, столь для него притягательные. «Из Азии. в Европу» – почти что кругосветка, неосуществленная пушкинская мечта.

колонны, стройно возвышались между ими; справа огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо и светлое море, и блеск и воздух полуденный...»

Прекрасны вы, берега Тавриды;
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я.

Через столетие Максимилиан Волошин, певец коктебельских берегов, вспомнит о том морском путешествии:

Эти пределы
священны уж тем,
что однажды под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля
по дороге в Гурзуф...

На гурзуфской даче у Раевских (имении герцога Ришелье) Пушкин провел три счастливейших недели: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского Lazzaroni (лаццарони, нищий. – *итал.*). Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря – и заслушивался целые часы».

В первых числах сентября Пушкин и Раевские (старший и младший) верхами отправились из Гурзуфа лесной тропой до Ялты, – тогда еще неизвестной деревушки. Поднялись на Аутку, миновали Ореанду, Кореиз, Мисхор и спустились вниз до Алупки. Заночевали в татарском дворе и на следующий день отправились к Симеизу, к морскому побережью. Совершили подъем по Чертовой лестнице через скалы Кикенеиза. В Георгиевском монастыре остановились на ночлег в скромной монастырской гостинице. Утром осмотрели развалины древнего храма Артемиды и памятника дружбы: согласно мифу, Орест и Пилад спорили, кому принести себя в жертву богине-девственнице, и каждый хотел спасти жизнь друга.

«Я объехал полуденный берег, и путешествие Муравьева-Апостола оживило во мне много воспоминаний; но страшный переход его по скалам Кикенеиза не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом. Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! сердце мое сжалось. Я начал уже тосковать о миллом полудне – хотя все еще находился в Тавриде, все еще видел и тополи, и виноградные лозы. Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они:

К чему холодные сомненья?
<Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья...>»

Далее от Георгиевского монастыря путь лежал на мыс Фиолент, отсюда по Балаклавской дороге, не заезжая в Севастополь³, путники направились в Бахчисарай. Где – то в горах Пушкин простудился: лихорадка мучила его.

«В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К*** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes* (фонтаном слез. – *Франц.*). Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет...»

Скажи, Фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум...

«Растолкуй мне теперь, – просит он друга Дельвига в конце пространного послания, – почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием?...»

А вот Онегину, в отличие от его творца, не судьба была увидеть живописные «берега Тавриды». Пушкин как-то «покаялся», что выбросил из романа главу о странствиях своего героя:

Он едет к берегам иным,
Он прибыл из Тамани в Крым,
Воображенья край священный
Он видит Керчь уединенный
На Митридатовом холме.

*Памятный знак Пушкину в Крыму у стен Георгиевского монастыря.
2011 г. Фотография*

³ Пушкин не мог посетить Севастополь – закрытый город, где базировался российский флот, не имея на то специального разрешения. Пятью годами позже там удалось побывать Грибоедову благодаря своему дипломатическому статусу.

Крымское путешествие Пушкина продолжилось: из Бахчисарая едет он в Симферополь. Пробыв там несколько дней, уезжает в Одессу, минуя Херсон и Николаев. И уже из Одессы, через Тирасполь и Бендеры, спешит к месту своего назначения – в Кишинев, куда переведено ведомство генерал-лейтенанта Инзова, наместника Бессарабии, – попечительный комитет о колонистах Южного края России.

О полуденном таврическом крае поэт вспоминал часто, мечтая променять на него «неволю невских берегов». «Среди моих мрачных сожалений, – признавался он, – меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму».

...Крым хранит память своего вдохновенного певца: улицы, музеи, гроты и даже тропы носят имя русского гения. Памятники Пушкину есть в Феодосии, Гурзуфе, Ялте... Памятный знак поэту воздвигли и в скалах Кикенеиза, близ Георгиевского монастыря. Как одному из самых чтимых его паломников.

Кавказские впечатления

«Военная Грузинская дорога»

*Мне путешествие привычно
И днем и ночью – был бы путь.*

А.С. Пушкин

Именно так назывался отрывок из «Путешествия в Арзрум», впервые увидевший свет в одном из номеров «Литературной газеты» за 1830 год. Через пять лет заметки об удивительной поездке в Тифлис и Арзрум, где поэту довелось пережить ни с чем не сравнимое «упоеание в бою», появились на страницах «Современника».

Любопытно, изначально Пушкин приводил «мирные» причины, побудившие его к путешествию: «В 1829-м отправился я на Кавказ лечиться на водах. Находясь в таком близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с некоторыми из моих приятелей, и с братом, служившим тогда в Нижегородском гусарском полку».

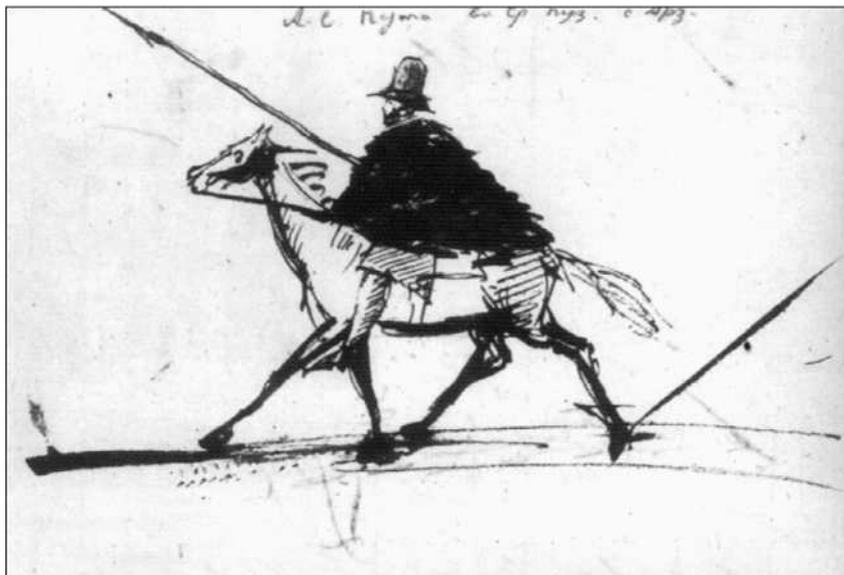
На самом деле Пушкин собирался в Грузию раньше, в мае 1827-го. Писал о том брату Левушке: «Из Петербурга поеду или в чужие края, т. е. в Европу, или восвоюси, т. е. во Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского». А в письме к приятелю не без иронии замечал, что брат «едет в Грузию, чтобы обновить увядшую душу».

Пушкин желал стать «свидетелем войны» и отправиться на Кавказ – театр боевых действий Русско-турецкой войны, и просил о том Государя. Но его ждал отказ.

Вот редкостный документ, датированный мартом 1829-го – письмо М.Я. Фон-Фока, ведавшего аппаратом тайной полиции, своему шефу Бенкендорфу: «...Господин поэт столь же опасен <для государства>, как неочиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его не возьмет никто в свои затеи. Это верно!.. <Предоставьте ему обойти свет, искать дев, поэтических вдохновений и – игры> (франц.)».

Жаль, что дельным советом столь сведущего агента высшая власть империи пренебрегла.

Неудачное сватовство подвигло поэта на дерзкое решение – своевольно покинуть столицу. «...Из Москвы поехал я на Калугу, Белёв и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова», – так, с посещения опального генерала, начинается «Путешествие ...» Пушкина.

Автопортрет поэта в бурке. 1829 г.

(Не избрал ли он этот кружной путь еще и для того, чтобы тайно почтить память обожаемой им императрицы Елизаветы Алексеевны, скончавшейся в Белёве по пути из Таганрога в Петербург?)

С трудом выбирается Пушкин из непролазной грязи под Ельцом, проезжает Воронеж и Новочеркасск, замечает, как «переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее», знакомится со «степной Цирцеей», видит снежные вершины кавказских гор в Ставрополе, едет из Георгиевска на Горячие воды, где черпает «кипучую воду ковшиком»; в Екатеринограде нанимает лошадей до Владикавказа и сопровождаемый казачьим конвоем трогается в путь.

Именно там брала начало Военно-Грузинская дорога, незадолго до приезда Пушкина (благодаря трудам армии) ставшая «колесной», а значит, проезжей и для повозок.

«Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми». Яркие впечатления от кавказских красот прерываются размышлениями о причинах воинственности черкесов и благосклонности осетинцев.

«Кавказ нас принял в свое святилище», – торжественно замечает поэт. Но не его коренные жители. Где – то под Ларсом Пушкин отстал от конвоя, залюбовавшись яростным бегом Терека, и услышал крик одного из солдат: «Не останавливайтесь, ваше благородие, убьют!» В Ларсе, на ночлеге, поэт нашел у коменданта список «Кавказского пленника» и «перечел его с удовольствием».

Хвала тебе, седой Кавказ...

Истинный поэтический восторг вызвала дикая красота Дарьяльского ущелья. Но. «Скоро притупляются впечатления. <...> Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага», – признается Пушкин-путешественник.

Вблизи селения Казбек Пушкин встречает собрата, персидского поэта Фазиль-Хана, в составе «искупительной» миссии ехавшего в Петербург: оба сожалеют, что знакомство их коротко. На следующий день Пушкин набрасывает первые строки послания Фазиль-Хану: «Благословен, и ты поэт»; испещряет лист рисунками: кавказским пейзажем, автопортретом в папахе, фигурой грузинки. И ставит помету: «25 мая. Коби».

Впереди – Крестовый перевал: Пушкин отправляет свою коляску обратно во Владикавказ, а сам продолжает путь верхом. Но вот опасный перевал преодолен, и поэт уже восхищается мгновенным переходом «от грозного Кавказа к миловидной Грузии».

В воскресенье 26 мая Пушкин выехал из Квешети, добрался до Пай-санаура (Пасанаури) и, «не дождавшись лошадей», отправился пешком до Душета. Весь день поэт в пути, – как символично, в свое тридцатилетие! Поздним вечером, в изнеможении, добрался он до городка, что в пятидесяти верстах от Тифлиса, где и заночевал на квартире тамошнего городничего, старого грузинского офицера. Вернее, промучился всю ночь из-за несносных блох!

«Я оставил Душет с приятной мыслию, что ночую в Тифлисе». Вместе со знакомцами – графом Мусиным-Пушкиным и Шернвалем – поэт продолжил путь. В Мцхете путешественники переправились через Куру «по древнему мосту, памятнику римских походов», и «крупной рысью, а иногда и вскачь, поехали к Тифлису».

В грузинской столице Пушкина ждал поистине жаркий прием: и в знаменитых тифлисских банях, где дивился он искусству местного банщика; и среди горожан, давших в его честь «праздник в европейско-восточном стиле». Звучала музыка: «песельники, танцовщики, баядерки, трубадуры всех азиатских народов, бывших тогда в Грузии», играли и пели для первого поэта России. Пушкин был необычайно весел, находясь «в счастливом расположении духа». «Он часто вскакивал с места после перехода томной персидской песни в плясовую лезгинку, – свидетельствовал очевидец, – бросался слушать или видеть какую-нибудь тамашу грузинскую или имеретинского импровизатора с волынкой». Восторженные почитатели, увенчав любимого поэта гирляндой из цветов, качали Пушкина в кресле.

Единственный в жизни русского гения юбилей, отпразднованный столь ярко и необычно...

В Тифлисе Пушкин ожидает от графа Паскевича-Эриванского «разрешения приехать в армию». Наконец, спустя томительные две недели, получает его, и, не медля, трогается в путь. Минует грузинские деревни, преодолевает Волчьи Ворота, крепость Джелал-оглы, переваливает через Безобдальский хребет и попадает в Армению.

Описывает скорбную встречу, что случилась на горной армянской дороге, близ крепости Гергеры: «Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” – спросил я их. “Из Тегерана”. – “Что вы везете?” – “Грибоеда”. – Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

(Позже, в Тифлисе, по возвращении из похода, Пушкин придет к могиле Грибоедова поклониться памяти великого человека.)

В Гумри, после ночлега, видит библейский Арарат, «снеговую двуглавую гору» (на самом же деле – потухший вулкан Алагез). Пушкин торопится в Карс, и вот оно – ярчайшее событие в жизни! – переход пограничной с Турцией реки.

«Вот и Арпачай, – сказал мне казак. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою».

Мысль, что русская армия уже выступила из Карса, заставляет поэта спешить. «До Карса оставалось мне еще 75 верст», – отметит он.

Не странно ли, что спустя год Пушкин обозначит именно эту памятную для него цифру в письме к невесте, – кою сравнивали с неприступной крепостью Карс: «Я в 75 верстах от вас, и Бог знает, увижу ли я вас через 75 дней»?!

Наконец, 13 июня Пушкин достигнет желанной цели и, взирая на грозную крепость, подобно орлиному гнезду укрепившуюся в отвесных скалах, будет поражен, как русские «могли овладеть Карсом».

Тогда же, в военном лагере, в походной палатке давнего своего приятеля Николая Николаевича Раевского-младшего, Пушкин встретится с братом.

14 июня – особо памятный день: поэт впервые участвует в бою! В лагере под Саганлу, услышав о появлении турок, он скачет к месту перестрелки. Подхватив казачью пику, бросается с нею на неприятеля... Пушкин видит и страшные следствия войны: первого убитого – обезглавленный труп казака, и множество раненых, от рядового до генерала Остен-Сакена.

Несколько дней проводит он в русском лагере на реке Инжа-Су, и лагерная жизнь ему чрезвычайно нравится. В палатке генерала Раевского собирается самое разнообразное общество: в числе гостей и «беки мусульманских полков».

Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры.

«19-го, едва пушки разбудили нас, все в лагере пришло в движение. Генералы поехали к своим постам. Полки строились; офицеры становились у своих взводов». Началось сражение с войском Гаки-паши и передовыми отрядами арзрумского сераскира⁴. Пушкин среди наступающих участвует в преследовании бегущих турок, – вместе с армией переходит в Караурган. Главные силы Паскевича устремляются к Арзруму⁵, и поэт вместе с войсками совершает переход в долину реки Аракс.

В понедельник, 24 июня, он едет в древнюю крепость Гассан-Кале – ее называют «ключом Арзрума», – занятую накануне князем Бековичем-Черкасским. Крепость славится горячим железисто-серным источником, и Пушкин решает испробовать на себе его целебную силу. Но, почувствовав тошноту и головокружение, прерывает «лечение».

Следующий день ознаменован началом похода на Арзрум. Паскевич объявляет о том на праздничном обеде, данном по случаю дня рождения Государя.

26 июня армия встает в пяти верстах от города, в горах Ак-Даг. Историческая минута близится, и Пушкину суждено стать ее свидетелем: «На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою.

С высоты горы в лощине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую».

Наутро русские войска устремились на штурм твердыни. «Полки наши вошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделию».

Вместе с Раевским Пушкин въезжает в покоренный город. Позже, в лагере, с любопытством смотрит на пленных пашей и самого сераскира, седого старика, погруженного в глубокое уныние. Один из пашей произносит витиеватое приветствие Пушкину: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются».

Пушкину восточное приветствие понравилось. Пожалуй, оно стоило всех дорожных невзгод и военных опасностей...

В Арзруме поэт посетил кладбище, где нашел лишь несколько гробниц, отличавшихся «затейливостью», но не увидел в памятниках «ничего изящного» – ни вкуса, ни мысли. Целый день бродит он по разоренному дворцу сераскира, попадает в дом взятого в плен Османа-паши, видит его гарем, замечая, что это удавалось «редкому европейцу».

⁴ Сераскир – звание главнокомандующего турецкими войсками до 1826 года, затем – должность военного министра.

⁵ Эрзерум (Эрзурум) – главный город Анатолии (Азиатской Турции), в нем проживало до 100 000 жителей.

«Блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума», закончился, и 19 июля Пушкин прощается с Паскевичем-Эриванским. «Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию...» На память о походе поэт получил от графа Паскевича турецкую саблю, особо почетную награду за подвиги на поле боя; и хранил ее «памятником. странствования вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении».

Необычное, единственное в своем роде признание поэта: «Я спешил в Россию». Только однажды мог позволить себе Пушкин написать именно так!

А на родине поэту пришлось объясняться. «С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что Его Величество недоволен моим путешествием в Арзрум, – пишет он генералу Бенкендорфу. – <...> По прибытии на Кавказ, я не мог устоять против желания повидаться с братом. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на проезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саганлу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника».

...Появлению «Путешествия в Арзрум» обязаны мы... французскому дипломатическому агенту Виктору Фонтанье. Думается, Пушкину неприятно было читать его книгу «Путешествие на Восток», в коей автор отзывался о России «как смеси азиатского варварства и европейского феодализма».

Язвительные строки Фонтанье о русском поэте, «который оставил столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников», а возможно, и полное сарказма замечание француза о турках, не имевших «бардов в их свите», побудили Пушкина принять литературный вызов и выйти из него победителем.

Но и в родном отечестве в адрес Пушкина раздавались упреки. Правда, иного порядка. «Мы думали, что автор Руслана и Людмилы устремился на Кавказ, <дабы> в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев, – сетовал на страницах “Северной пчелы” Фаддей Булгарин, – и мы ошиблись!»

«Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой – слишком непристойно», – парировал своим оппонентам поэт. И называл две причины, ставшие оправданиями к путешествию на Кавказ: «Желание видеть войну и сторону малоизвестную...»

По счастью, это ему удалось.

Дорожная муза

«Я и в коляске сочиняю»

Муза была благосклонна к страннику-поэту: не изведать, сколь много вдохновенных строк родилось под цокот лошадиных копыт и перестук колес... И сколько дорожных впечатлений, уже позже, – в кабинете или «в постеле», – «проросли» в живой стихотворной ткани пушкинских шедевров?

«Подъезжая под Ижоры»

В январе нового 1829-го в Старицах царило веселье – давали святочные балы. И Александр Сергеевич принимал в них самое деятельное участие: много танцевал, не скупился на комплименты провинциальным барышням и усердно ухаживал за синеглазой Катенькой Вельяшевой, дочерью старицкого исправника. На обратном пути из Старицы в Петербург Пушкин сочинил ей игривое посвящение:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежнюю следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

В Петербург Пушкин возвращался вместе с приятелем Алексеем Вульфом, и некоторые строки, забавляясь, сочиняли вместе. Поэт в «авторстве» «любезному Ловласу Николаевичу» не отказывал. И не только ему, но и дядюшке, добрейшему Павлу Ивановичу Вульфу, «приложившему руку» к созданию «дорожного» шедевра.

«Павел Иванович стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

Подъезжая под Ижоры
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза»,

– сообщает приятелю Пушкин осенью того же года из Малинников, куда «своротил» по дороге из Арзрума в Петербург. И замечает: «Не правда ли, что это очень мило».

«Любезная калмычка»

Весна 1829-го ознаменована стихами, родившимися в дороге. По признанию поэта, послание к калмычке набросал он «на одной из кавказских станций». Степную красавицу Пушкин повстречал в середине мая по пути в Арзрум, где-то под Георгиевском, и во всех подробностях описал свое приключение:

«На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. “Как тебя зовут?” – ***. “Сколько тебе лет?” – “Десять и восемь”. – “Что ты шьешь?” – “Портка”. – “Кому?” – “Себя”. – Она подала мне свою трубку и стала завтракать. <...> Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки – и поехал от степной Цирцеи».

*Портрет калмычки Бяусты.
Художник О. Кипренский*

А в черновой рукописи есть «расшифровка» того «коккетства», чем юная кочевница так напугала гостя. Отведав из котла чаю с бараньим жиром, приведшим его в ужас, Пушкин, по его же замечанию, с любопытством, простительным путешественнику, решился «на некоторое вознаграждение»... «Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием подобным нашей балалайке. – Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет...»

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног;
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,

Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'é*,
Галоп не прыгаешь в собранье.
Что нужды? – Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.

На белой рукописи сохранилась помета: «22 мая 1829. Кап-Кой». (Кап-Кой – старое название Владикавказа.) Все же не поэтических «полчаса», а ровно неделю «дикая краса» занимала воображение путника-поэта.

... Поэтическое послание, вопреки уверениям Пушкина, дошло до адресата. Только не до безымянной степной красавицы, а ее титулованной землячки – калмыцкой княжны Марины Тундутовой, пленившей сердце праправнука поэта и его тезки Александра Гревеница. Любовная история случилась в середине двадцатого столетия в одном из городков Бельгии. В счастливом супружестве появились на свет дети, облеченные баронским титулом, – София и Сергей: на могучем пушкинском древе «произросла» и «калмыцкая ветвь».

Вот оно, чудесное продолжение давней встречи поэта: кочевая калмыцкая кибитка «докатилась» до бельгийского королевства!

«На холмах Грузии»

В мае 1829-го в предгорьях Северного Кавказа, за несколько дней до своего тридцатилетия, Александр Пушкин написал строки, которым в грядущем, как и их творцу, суждено будет обрести бессмертие.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Кому посвящена эта божественная элегия, музыкой льющиеся стихи? «Тобой, одной тобой». Каким бесспорным кажется ответ! Конечно же, юной невесте поэта, оставленной в Москве.

Натали. Невеста ли? Как мучительна неопределенность! Горькое и сладостное чувство одновременно. Отказано в ее руке под благовидным предлогом – слишком молода – и одновременно подарена слабая надежда. Неудавшееся сватовство. Душевное потрясение поэта так велико, что ни на день, ни на час он уже не может оставаться в Москве! Все решилось будто само собой первого мая. Получив от свата Толстого ответ,

Пушкин не медлил: в ту же ночь дорожная коляска выехала за городскую заставу, и московские купола и колокольни растаяли в предрассветной мгле.

Путь Пушкина лежал на Кавказ, куда он не мог попасть, как верный подданный, посылая письма генералу Бенкендорфу и испрашивая разрешения у своего венценосного цензора

стать «свидетелем войны». А тут, словно свыше, пришло решение: Кавказ как спасение от душевной муки, Кавказ как самое горячее место империи, где в схватках с воинственными горцами вершилась на глазах история России.

Можно послушаться царя, можно самовольно умчаться из Москвы и даже из России. Но не уехать и не убежать от нее – образ юной Натали, такой далекой и недоступной, невозможно изгнать из памяти. Он уже властно вторгся в его жизнь. И противиться тому невозможно.

... Строки, родившиеся во время кавказского путешествия, увидели свет в Петербурге в 1830 году. И друзья Пушкина, читая «На холмах Грузии» в альманахе «Северные цветы», полагали, что сей драгоценный поэтический подарок предназначен его невесте. Верно, и Натали, повторяя вслух, словно признание, эти чудные строки, втайне испытывала минуты великого душевного торжества. И не в эти ли счастливейшие мгновения ее жизни в сердце робкой красавицы, почти еще девочки, просыпалась любовь?..

Не случайно ведь острая на язычок Александра Россет, не питавшая особых чувств к юной супруге поэта, насмешливо замечала, что та любит лишь стихи мужа, посвященные ей. И в том, что среди этих неназванных поэтических посвящений, ведомых лишь одной Натали, были и «На холмах Грузии», тайной не считалось.

Итак, вне сомнений, – стихи, написанные Пушкиным на Кавказе, адресованы невесте. Княгиня Вера Вяземская посылает их летом 1830-го Марии Волконской в далекую сибирскую ссылку. Вместе с номерами «Литературной газеты». Княгиня, добрый друг Пушкина и поверенная многих его сердечных тайн, считает нужным пояснить, что новое творение автор посвятил своей невесте Натали Гончаровой.

Имя московской красавицы тогда, как и все перипетии сватовства и женитьбы Пушкина, у всех на устах и вызывают живейший интерес как в солнечном Риме, так и в Петровском Заводе, в промерзлой Сибири.

Мария Николаевна не замедлила откликнуться: она, конечно же, благодарна приятельнице за дружескую память и за присланные ей стихи «На холмах Грузии», которые она уже сообщила друзьям, и, подобно строгой критикессе, проводит их литературный анализ.

«В двух первых стихах поэт пробует голос; звуки, извлекаемые им, весьма гармоничны, – пишет княгиня Волконская. – Но конец... это конец старого французского мадригала, это любовная болтовня, которая так приятна нам потому, что доказывает нам, насколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего».

Бесспорно, эти строчки из черновых автографов стихотворения к юной Натали не имеют никакого отношения.

Прошли за днями дни – сокрылось много лет
Где вы, бесценные создания,
Иные далеко, иных уж в мире нет
Со мной одни воспоминанья.

Всем достанет места в волшебной стране воспоминаний – бывшие музы и соперницы мирно уживаются в ней: утонченная графиня Воронцова и крепостная Ольга Калашникова, малютка Оленина и покинувшая земную обитель экстравагантная Амалия Ризнич...

Не прощание ли это с прежними богинями и с той из них, чье имя утаено, и чей образ все еще горит в сердце поэта? Но в нем, словно на пепелище былых страстей, уже властно пробивается новый росток. Выходит светлое имя – Натали. Да, все они, «бесценные создания», были, но она одна есть.

Пушкин – самый строгий и беспощадный собственный цензор. Первоначальные наброски, эти вулканические выбросы чувств и эмоций, словно убираются им в глубины

памяти. И прекрасные стихи, составившие бы честь любому поэту, так и останутся в черновых рукописях, доступных одним дотошным исследователям. Отныне бесценное право на жизнь даровано только восьми строфам. И в каждой – Ее незримый образ.

Восемь оставленных строк. Но и они – всего лишь приближение к авторскому замыслу, последняя ступень к совершенству. Еще несколько штрихов мастера. На том же листке поэт вдруг ставит отточие и, словно задумавшись, рисует ангела. Но ангел вполне земной – он не витает в облаках, а ступает по тверди.

Спустился ли он с небес на грешную землю? Небесное ли то создание или юная дева с трогательными карнавальными крылышками, стройная, с модной, вполне светской прической, «глаза и кудри опутив», в бальных туфельках со скрещенными тесемками робко делает шаг? Куда? Что влечет ее? На одном уровне с ее башмачками, с той условной «землей», размашисто выведена надпись на французском «Pouchkine». Пушкина... Как неожиданно... Кто она?

Ну, да, конечно же, всего год назад Пушкин чертил на рукописях анаграммы другого имени – Аннет Олениной, и даже, позволив себе замечтаться, однажды вывел на листе «Annette Pouchkine».

Но Анне Олениной так и не суждено было носить эту магическую фамилию – Пушкина. А в мае 1829 года лишь одна юная особа имела все права в недалеком будущем именоваться именно так.

Странно, но никто из исследователей не связал нарисованного Пушкиным ангела с подписью самого поэта. Но стоит вспомнить строки из письма поэта, отправленного матери невесты – его признание в том, что, уезжая на Кавказ, он увозит «в глубине своей души» «образ небесного существа», обязанного ей жизнью, вспомнить, что поэт любил называть свою Наташу ангелом и целовать в письмах к невесте кончики ее воображаемых крыльев. И, как знать, не имел ли ангел, «запечатленный» поэтом на рукописной странице, земного имени – Наталия?

«Всё б эти ножки целовал»

Обратимся к письмам поэта времен его уральского путешествия, сбереженным Натали. Как же мы все должны быть благодарны ей, сохранившей бесценные строки поэта, его живой голос!

12 сентября 1833 г. Село Языково.

«Третьего дня прибыл я в Симбирск и от Загряжского принял от тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангел – но я все-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом».

14 сентября 1833. Симбирск.

«Я все надеялся, что получу здесь в утешение хоть известие о тебе – ан нет. Что ты, моя женка? какова ты и дети. Целую и благословляю вас. Пиши мне часто и о всяком вздоре до тебя касающемся».

19 сентября 1833. Оренбург.

«Что, женка? скучно тебе? мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взглянул за гуж, не говори, что не дюж – то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит – я и в коляске сочиняю, что ж будет в постеле?»

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждающей души,

Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...

В рукописи Пушкин оставил значимую для него пометку: «1833, дорога, сентябрь». Нескончаема степная дорога, и так располагает она к милым сердцу воспоминаниям, навеивает поэтические грезы. Долог путь. И щедр на новые встречи, впечатления, знакомства, столь живительные для поэтического воображения. Мчит поэта четверка лошадей по оренбургской степи, а сердцем он там, в далеком Петербурге. И мысли, и беспокойство его – о семье: о жене – как-то она справляется с домом, здорова ли; о полуторагодовалой Машке, о своем любимце «рыжем Сашке», которому-то всего от роду три месяца...

«Нет, мой друг, – жалуется он своей Наташе, – плохо путешествовать женатому; то ли дело холостому! ни о чем не думаешь, ни о какой смерти не печалишься».

Как удивительно перекликаются строчки из писем со стихотворными строками:

«Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе...»

Я здесь остался б...

«Пиши мне часто и о всяком вздоре до тебя касающемся».

И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...

Эфрос как-то просто фантастически расшифровал один из пушкинских рисунков: «Эта поздняя осень 1833 г., когда поэт совершал свое путешествие на Урал и побывал в Болдине, богата еще рисунками, связанными с Наталией Николаевной. Мысли странствующего Пушкина были прикованы к ней, и не только потому, что этому способствовала разлука вообще, но еще и потому, в частности, что были особенные, интимные поводы для тревоги. Один из набросков этой поры отразил их... Так на этом же листе, рядом с креслом и подушкой, приподнявшей ножку Наталии Николаевны, видимо кормящей ребенка, Пушкин изобразил и второй план – светские успехи жены, так тяготившие его: он нарисовал ножку в бальной туфельке, перевитую лентами».

Стихотворение, написанное поэтом в коляске, во время странствий, при жизни Пушкина не печаталось. И вот что любопытно – «Когда б не смутное влечение» не появилось и на страницах анненковского издания, увидевшего свет благодаря стараниям Наталии Николаевны. Вновь самодержец Николай I не разрешил его к печати «как совершенно пустое стихотворение».

И все же кому посвящены эти пушкинские строки, доподлинно неизвестно. Даже предположений об их адресате нет. Да и можно ли ныне с академической точностью утверждать – кому именно?

Но хочется думать, что строки, рожденные воспоминанием о милом образе, обращены к ней – Наталии Пушкиной. Пусть это лишь версия. Но ведь и сами пушкинские письма, «где сердце говорит», и рисунки поэта косвенно подтверждают ее. И профиль жены в дорожной книжке Пушкина, и поэтические строки, написанные им в дороге, – не есть ли звенья одной

цепи, «думы тайной письмена»? И не скрыта ли в них потаенная просьба поэта: «Прошу доставить Н.Н. Пушкиной»?

Уральская одиссея

По следам самозванца

*Путешествие нужно мне нравственно и физически.
Пушкин – Нащокину, февраль 1833 г.*

Попробуем восстановить события стовосьмидесятилетней давности.

Итак, лето 1833 года. Петербург. Пушкин завершил работу над архивами, почерпнув из них все сведения, касавшиеся пугачевского восстания. Не зря он как-то обмолвился об «успокоении исторической моей совести».

Фортуна благосклонна к поэту: в руки его попадают подлинные свидетельства. Это и хроника осады Оренбурга (позднее, назвав рукопись очевидца «драгоценностью», Пушкин приложит ее к «Истории Пугачева»), и письма графа Панина вместе с указом Екатерины II из семейного архива Галаховых, и рассказы статского советника Свечина, помнившего подпоручика Шванвича, прототипа Швабрина, перешедшего на службу к самозванцу.

Написано введение к историческому роману, пока еще безымянному, но имя будущего героя уже названо: «Любезный друг мой Петруша!» И теперь Пушкину воочию нужно увидеть те места, где жива память о великом бунте, записать свидетельства стариков, народные песни и предания – «поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев».

«Я хочу написать сочинение о Пугачеве, – делится поэт замыслом с Марией Волконской. – Я отправлюсь на места, перевалю через Урал, проеду дальше и приеду просить убежища в Нерчинских рудниках».

Но даже половину задуманного исполнить непросто: путешествию предшествует обширная переписка. Ведь нужно испросить долгий отпуск на поездку в Казань и Оренбург. В письме к графу Бенкендорфу Пушкин не просто просит, умоляет Его Величество позволить ему «ознакомиться с архивами этих двух губерний».

Александр Христофорович доносит просьбу поэта до монарха, и тот «велит запросить, зачем Пушкин хочет ехать в Оренбург и в Казань» и по какой причине оставляет «возложенные на него занятия».

*Берег Урала недалеко от Нижнеозерной крепости. 1833 г.
Рисунок Пушкина*

Пушкину приходится объясняться: «Может быть, Государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить сии губернии».

Долгие хлопоты увенчались успехом: высочайшее разрешение на поездку получено! И 17 августа 1833 года, распроставшись с женой, Пушкин покинул Петербург. Дорога началась с грозных предзнаменований: разыгралась сильнейшая буря, «ветер и дождь гнали меня в спину...»

Последнее долгое путешествие поэта, полное дорожных приключений, встреч, впечатлений. Маршрут тот известен в мельчайших деталях.

По пути в Москву Пушкин заехал в Павловское, к любезному Павлу Ивановичу Вульффу, а затем в Ярополец, где «как нельзя лучше» встречен был тещей Наталией Ивановной. В Москву прибыл он 25 августа и наутро «из антресолей» гончаровского дома на Большой Никитской отправил своей Наташе проникновенные строки: «Поздравляю тебя со днем твоего Ангела, мой Ангел, целую тебя заочно в очи...»

«Шампанским, жженкой и молитвами» проводил Нащокин друга в Нижний Новгород. 29 августа, после прощального обеда со стерлядями, по словам поэта, усадили его в коляску, и выехал он на большую дорогу.

Миновал Богородск, Покров, Владимир и, вероятно, Гороховец. В Нижний приехал 2 сентября, остановился в лучшей городской гостинице, что на Благовещенской площади. Нанес визит губернатору Бутурлину, принявшему путешественника «очень мило и ласково», осмотрел городские достопримечательности: Нижегородский кремль, Ивановский спуск, памятник Минину и Пожарскому – гранитный обелиск с бронзовыми барельефами героев, Спасо-Преображенский собор, Макарьевскую ярмарку.

На следующий день, после обеда у губернатора, трогается в путь. Едет по Большому Московскому тракту вдоль правого берега Волги.

По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ямщики

Поют, и свищут, и бранятся...

Проезжает село Чугуны, Васильсурск, Чебоксары, Свияжск. В записной книжке поэта появилась запись рассказа, слышанного им в Василь-сурске, о расправе Пугачева над полковником Юрловым «за смелость его обличения». Где – то «за Чебоксарами» записывает от станционного зрителя историю о двух барышнях, прятавшихся в копне сена и повешенных Пугачевым.

В пяти верстах от Свияжска на пароме Пушкин переправился через Волгу и поздним вечером въехал в Казань.

Утром 6 сентября отправился в городское предместье – Суконную слободу, откуда в июле 1774 года Пугачев начал осаду Казани. Следующим днем посетил деревню Троицкая Нокса, где стоял лагерь самозванец перед штурмом города. Вернувшись, гулял по казанскому кремлю.

В Казани Пушкин знакомится с известным врачом и ученым К.Ф. Фуксом (в «Истории Пугачева» именован он источником «многих любопытных известий») и получает приглашение посетить его дом. Хозяин, заметив необычайный интерес гостя к событиям шестидесятилетней давности, отвозит поэта к купцу Крупеникову, бывшему пугачевскому пленнику, – благообразный старец еще живо помнил, как покорилась самозванцу Казань.

«Здесь я возился со стариками, современниками моего героя, – из Казани летит письмо жене, – объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

А любительница поэзии госпожа Александра Фукс отсылает именитому гостю собственное стихотворение «На проезд А.С. Пушкина через Казань». Но поэтическое послание, доставленное в гостиницу ранним сентябрьским утром, адресата не застает: он уже в пути.

Вновь мелькают названия малоизвестных городков и деревень: Лаишев, Спасск, Болгары, Тетюши, Большие Тарханы. В Симбирск Пушкин въезжает 9 сентября. Наносит визит губернатору Загряжскому, своему свойственнику (Загряжские и Гончаровы, родственники жены, связаны кровными узами). Не отказывает в просьбе симбирским барышням: с каждой проходит «несколько туров вальса под звуки двух скрипок». Возможно, поэт танцевал и с будущей невесткой – губернаторская дочка Елизавета Загряжская станет женой брата Левушки.

11 сентября совершает поездку к Николаю Языкову в его сельцо, но не застает друга дома. Зато от его старшего брата Петра, «человека чрезвычайно замечательного», узнает подробности встречи графа Панина с Пугачевым, доставленным в Симбирск в деревянной клетке и в колодках.

«Я путешествую, кажется с пользой, но еще не на месте и ничего не написал», – на письме к жене Пушкин помечает: «село Языково, 65 верст от Симбирска. 12 сентября». Тем же днем поэт возвращается в Симбирск и, отобедав у Загряжского, отправляется по главной почтовой дороге в Оренбург. То ли правый гористый берег Волги оказался непригодным для езды в легкой коляске, то ли заяц, перебежавший дорогу, смутил мнительного путешественника, но, не проехав и шестидесяти верст, Пушкин приказал повернуть обратно, в Симбирск. Словно в награду за дорожные муки там ждал его редкостный подарок – губернатор Загряжский преподнес гостю карту Екатеринославской губернии, владельцем коей прежде был сам Александр I.

Ранним утром 15 сентября Пушкин покидает Симбирск, избрав на сей раз дорогу, идущую вдоль левого низменного берега Волги. На переправе, в ожидании парома, делает в записной книжке рисунок с подписью: «Смоленская гора. Церковь Смоленская и дом Карамзина...»

Дорога бежит по мордовским и чувашским землям, петляет через села и деревушки: Калмаюр, Никольское, Резаново, Бирлю, Старую Бинарадку, Смышляевку. Но вот коляска выезжает на большой почтовый тракт, и четверка лошадей несет ее мимо Красного Яра, Алексеевска, Самары, Бузулука. Под стук колес ложатся строки:

В славной, в Муромской земле,
В Карачарове селе...

Поэтический «след» сказки об Илье Муромце, оставшийся в дорожной записной книжке...

По пути, в крепости Сорочинской, поэт беседует со старым казаком Иваном Папковым, записывает с его слов былые угрозы бунтовщиков: «То ли еще будет? Так ли мы тряхнем Москву?»

И, наконец, достигнута «последняя цель» путешествия: 18 сентября Пушкин въезжает в Оренбург! Останавливается у военного губернатора Василия Перовского, давнего петербургского знакомого, на его загородной даче, – в версте от северных городских ворот. Встречает там Владимира Даля, в то время чиновника особых поручений при Перовском, вызвавшегося провести поэта по всем «пугачевским местам» города и окрестностей.

Из Оренбурга 19 сентября сообщает жене о дорожных мытарствах и планах: «Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к Яицким казакам, пробуду у них дня три – и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу».

В тот же день за Пушкиным заехал Даль, и вместе они отправились в Бердскую слободу, что в семи верстах от Оренбурга. Но прежде Даль провел поэта по историческим местам, связанным с шестимесячной осадой города. Позднее он вспоминал, как Пушкин «с большим жаром» внимал ему и как хохотал от души над услышанным анекдотом: Пугачев, войдя в церковь и усевшись на церковный престол, важно заявил: «Как я давно не сидел на престоле!»

Тем временем в Бердской слободе стараниями атамана Гребенщикова и во исполнение губернаторского приказа собрались помнившие времена Пугачева старики, – от них поэт получил многие любопытные сведения. А в награду раздал памятливым старикам и старухам серебряные монеты.

Но самой яркой стала встреча с казачкой Ариной Бунтовой. Вспоминала она, как вместе с другими на коленях присягала Пугачеву и целовала ему руку, а меж тем на виселице вздергивали непокорных, как боялся и почитал народ своего царя и какой богатый был у него «Золотой дворец». Показала гостю те самые «царские палаты» – крестьянскую избу Константина Ситникова, стены коей изнутри оклеены были золотой бумагой. Пела поэту сложенные про Пугачева песни.

«В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я *une bonne fortune* (удачу) – нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год, – делился Пушкин с женой своей радостью. – Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал». А рассказы старой казачки, полные «истины, неукрашенной и простодушной», обратились хрестоматийными строчками в «Капитанской дочке».

По счастью, московская барышня Воронина той же осенью посетила Бердскую слободу и добросовестно записала рассказы старожилов. Но уже о Пушкине! Арина Афанасьевна пересказала ей то, что прежде говаривала своему гостю. Припомнила, как «курчавый господин» показал ей портрет красавицы-жены: «Вот, – говорит, она станет твои песни петь».

Свидетельство редкостное – в уральское путешествие Пушкин взял с собой некий, неизвестный ныне, миниатюрный портрет Натали!

Старая казачка не без гордости добавляла: «Он же – дай Бог ему здоровья! – наградил меня за рассказы».

Правда, из-за подаренного ей золотого червонца приключился казус. Из Бердской слободы на другой день, как там побывал поэт, явились в Оренбург казаки и доставили начальству Арину Бунтову: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под “пугачевщину” и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Вспоминая о том происшествии, Даль заключал: «Пушкин много тому смеялся».

В Оренбурге случился еще один забавный эпизод. Василий Перовский получил письмо от нижегородского губернатора Бутурлина: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом вам посоветовать, чтобы вы были осторожнее...»

Губернаторское письмо изрядно повеселило путешественника. Пушкинист Бартенева уверял, что именно тогда «Пушкину пришла идея написать комедию “Ревизор”»! И ссылался на Даля, слышавшего о том от самого поэта.

Утром 20 сентября Пушкин, как и собиравшись, отправился в Уральск, к яицким казакам, его сопровождал Даль. Дорога шла вдоль правого берега реки Урал, бывшего Яика, там, где праздновал Емельян Пугачев первые свои победы, покоряя одну за другой крепости и чиня в них свой кровавый суд.

Друзья проехали Чернореченскую крепость и остановились в Татищевой. Там поэт слушал рассказы очевидцев о штурме крепости и жуткой расправе, учиненной затем над комендантом Елагиным и его женой.

Много страшных подробностей узнал Пушкин и от восьмидесятилетней казачки Матрены Дехтяревой. В том числе и о судьбе дочери коменданта, красавицы Елизаветы, ставшей наложницей Пугачева, а позже расстрелянной по его приказу вместе с малолетним братом.

По дороге из Татищевой в Нижнеозерную тянулась меловая гряда, именуемая местными жителями Белыми горами. Именно в Белогорскую крепость «определил» на службу своего героя Пушкин, а комендантом ее, в память о храбреце Григории Мироновиче Елагине, «назначит» капитана Миронова.

В Нижнеозерной крепости, «на крутом берегу Яика», путешественники, по-видимому, заночевали. Здесь поэт вновь беседовал со стариками. Записал в дорожной книжке песню о Пугачеве: «Из Гурьева-городка протекала кровью река», что напела ему казачка Марфа Пичугина.

А 21-го Пушкин и Даль покидают Нижнеозерную и к вечеру, преодолев за два сентябрьских дня 250 верст, добираются до Уральска, где останавливаются в доме наказных атаманов. В бывшем Яицком городке, переименованном волею императрицы и указом Сената в Уральск «для предания всего случившегося вечному забвению», – ведь именно в нем начался казацкий мятеж, а затем и страшный бунт в 1773-м, – гостей принимает войсковой атаман полковник Василий Покатилов. Наутро Пушкин осматривает старый город: собор Михаила Архангела, остатки крепостных стен, пороховые склады, соборную площадь, где собирався казачий круг. Узнает, как гарнизон крепости, всего-то в тысячу штыков, проявлял чудеса верности и стойкости, геройски отбивая атаки пугачевцев.

Показали гостю два исторических здания: стены одного, дома атамана Толкачева, помнили жениха-Пугачева на свадьбе его с красавицей Устиньей; стены другого, обветшалой войсковой канцелярии, – Пугачева-арестанта.

Субботний день, 23 сентября, проводит поэт в Уральске, бродит по его окрестностям, беседует с очевидцами грозных событий, получает от стариков «все известия, в которых

имел нужду». Пушкин передает любопытный разговор с Михаилом Пьяновым, на свадьбе коего пировал самозванец. «Расскажи мне, – говорил я <...> Пьянову, – как Пугачев был у тебя посаженным отцом». – «Он для тебя Пугачев, – отвечал мне сердито старик, – а для меня он был великий Государь Петр Федорович».

От сердитого собеседника услышал поэт и «царское» сетование: «Улица моя тесна...» Позже это же признание из уст самозванца доведется слышать и Петру Гриневу: «Улица моя тесна, воли мне мало...»

После прощального обеда у войскового атамана и застольных приветствий Пушкин двигается в путь. Ему нужно попасть в свое нижегородское сельцо и как можно скорее, чтобы засесть за работу, привести «в порядок... записки о Пугачеве». Потому-то и выбирает самый краткий маршрут: по Сызранскому проселочному тракту через Переметный Умет, Овсяный Гай, Сызрань, Симбирск, Ардатов, Абрамово, – и далее в Болдино, всего 690 верст. То ли из-за обилия впечатлений, то ли из-за плохой погоды (пошел дождь, дорога стала непроходимой, после выпал и снег) Пушкин меняет прежнее решение ехать через Саратов и Пензу, некогда охваченные мятежом.

Зато делает крюк и заезжает в имение к братьям Языковым, «отобедав с ними очень весело», и после ночлега продолжает путь. А в дорожной коляске с поэтом незримой спутницей странствует. «Капитанская дочка».

В воскресенье вечером 1 октября 1833 года Пушкин въезжает в «границы Болдинские», «бросив» в свою «дорожную копилку» еще сотни верст.

«Милый друг мой, я в Болдине», – летит радостная весть жене в Петербург. Дальнее путешествие увенчалось новой чудотворной осенью.

А в память о странствиях Пушкин посадил в Болдине, перед домом, привезенную им с Урала лиственницу, да еще, по рассказам, полил водочкой, – чтоб крепче прижилась. Сбылась примета!

Путешествия во времени и пространстве

«Невыездной» Пушкин

Повсюду я готов. Поедем...

А. С. Пушкин

Сколько их было, заветных пушкинских мечтаний? Одним суждено было воплотиться в поэтические строки и в реальные земные события, другим – так и остаться потаенными желаниями, надеждами и видениями.

Самая заветная, самая любимая, самая страстная, но так и несбывшаяся мечта – увидеть иные края, побывать в других странах. Ну хоть единожды пересечь границы крупнейшей Российской империи, посмотреть другой, почти нереальный для Пушкина мир, живущий лишь в его воображении, почувствовать вкус и запахи, неведомые прежде, увидеть краски дальних стран, испытать невероятные ощущения от встречи с иными мирами и цивилизациями. Это сладостное предчувствие свободы...

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
– Вот счастье! вот права.

Странно. Будто некий рок тяготел над Пушкиным: словно золотой цепью приковали его к мифическому русскому дубу в родном Лукоморье. И как бы ни старался он преодолеть наложенное свыше табу, тайком уехать в чужие края, все было тщетным – незримые пограничные шлагбаумы враз опускались перед дорожной кибиткой поэта.

Искатель новых впечатлений.

Тысячи верст исколесил Пушкин по дорогам отечества. «Долго потом вел я жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России». Лишь однажды он был близок к мечте, в своем путешествии в Арзрум, когда вступил на турецкий берег, но уже завоеванный Россией. Десятки, сотни мелких, незначительных причин выстраивались вдруг в непреодолимые препятствия, и российская граница для Пушкина обретала контуры Великой Китайской стены.

Китай

Китайская мечта поэта

*А я где б ни был – шепчут мне
Арапские святые губы
О небывалой стороне.*

Владислав Ходасевич

Как же хотелось Александру Пушкину увидеть это настоящее чудо света, величественную крепость-твердыню, и он уже представлял себя в поэтических грезах там, у ее подножия, у «стен недвижимого Китая»...

«Генерал, – обращается Пушкин к графу Бенкендорфу, – я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством...»

«Милостивый государь, – отвечает поэту пунктуальный Бенкендорф. – Желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора».

Уже позднее, после гибели поэта, Василий Жуковский напишет графу Бенкендорфу письмо, где прозвучат горькие упреки: «...А эти выговоры, для Вас столь мелкие, определяли целую жизнь его: ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу...»

Добавлю: и «наслаждения видеть» Азию, загадочный Китай.

Вторил Жуковскому и другой современник поэта, знавший его, – французский литератор и дипломат, барон Леве-Веймар: «Для полного счастья Пушкину не доставало только одного: он никогда не бывал за границей».

Древнейшая китайская цивилизация словно магнитом манила поэта. Если Италия, Англия, Франция – страны, в которых так хотелось побывать поэту и куда давно уже проложили тропы многие русские путешественники, в их числе приятели и родные Пушкина, – были близки и знакомы, понятны их обычаи, язык, культура, то Китай представлялся ему неведомой и экзотической страной. А ведь таким в то время он и был.

«К подножию ль стены далекого Китая»

Александр Сергеевич готовился, и, надо сказать, серьезно, к путешествию в Китай. Интерес к этой древней и самобытной стране возник во многом благодаря дружбе поэта с отцом Иакинфом, в миру Никитой Яковлевичем Бичуриным. Ученый-востоковед, большой знаток китайской культуры, он, в совершенстве владея китайским языком, перевел давние хроники и сказания, составил русско-китайский словарь.

Четырнадцать лет Бичурин возглавлял русскую духовную миссию в столице Поднебесной и по указу императора Николая I был причислен к Азиатскому департаменту.

Современники удивлялись и необычной внешности китаиста, и его фантастическому трудолюбию: «О. Иакинф был роста выше среднего, сухощав, в лице у него было что-то азиатское... Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем».

Пожалуй, одним из тех немногих, с кем беседовать почитал он за благо, был Пушкин. В апреле 1828-го отец Иакинф (в том году он стал членом-корреспондентом Петербургской Академии наук) дарит поэту книгу «Описание Тибета в нынешнем его состоянии с кар-

той дороги из Ченду до Хлассы» с дарственной надписью: «Милостивому Государю Моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения».

«Поедем, я готов...» Пушкин с отцом Иакинфом на набережной Невы

В следующем, 1829-м он преподносит поэту еще одну книгу – «Сань-Цзы-Цзин, или Троеслоие», по сути, древнюю китайскую энциклопедию.

Никита Яковлевич Бичурин, о. Иакинф, ученый-китаист

Александр Сергеевич отзывался об отце Иакинфе, «коего глубокие познания и добросовестные труды разлили свой яркий свет на сношения наши с Востоком», весьма уважительно.

Надо думать, что в петербургском салоне Одоевского, где «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазами», можно услышать было немало увлекательных рассказов ученого-монаха об удивительной далекой стране. И тогда же, верно, строились планы совместного путешествия. Впервые у Пушкина появилась реальная возможность увидеть сказочный Китай своими глазами!

Уже в ноябре – декабре 1829-го начала готовиться экспедиция в Восточную Сибирь и в Китай, – русская миссия, и в ее подготовке самое деятельное участие принимали знакомцы поэта: отец Иакинф и барон Павел Львович Шиллинг фон Канштадт, дипломат, академик, тонкий ценитель китайской литературы и древностей Востока. И будущий изобретатель электромагнитного телеграфа! Вот с какими замечательными людьми предстояло Пушкину совершить путешествие!

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я

Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая...

Забегая вперед, замечу: отец Иакинф, прибыв в Иркутск (здесь готовилось к отправке в Пекин русское посольство), отправил Пушкину свой очерк о Байкале, напечатанный поэтом в альманахе «Северные Цветы на 1832 год». Рукопись же осталась в пушкинских бумагах как память о такой возможной, но несбывшейся поездке в Китай.

Тогда, в январе 1830 года, Пушкин обратился к Бенкендорфу за все-милостивейшим разрешением покинуть пределы России, и ему в том отказали. Столетием ранее темнокожий прадед поэта Абрам Ганнибал против своего желания был послан в Сибирь «для возведения фортеций» – строить на китайской границе Селенгинскую крепость. Как иронично записал поэт, «с препоручением измерить Китайскую стену» – недруги «царского арапа» пытались удалить его от Двора. Правнука же Абрама Петровича, знаменитого во всей России поэта, мечтавшего посетить Китай, под благовидным предлогом не пустили в далекое и столь заманчивое для него путешествие...

Даже и после этого учтвого по форме, но жесткого отказа Его Императорского Величества интерес поэта к Китаю не угас.

Возможно, Пушкину довелось читать в архиве донесения русского посланника в Китае графа Саввы Владиславича-Рагузинского (именно он, исполняя желание Петра I, отправил из Константинополя в Москву арапчонка Ибрагима), именованные «Секретной информацией о силе и состоянии Китайского государства» за 1731 год.

Если бы путешествие поэта в Китай все-таки состоялось, он обязательно побывал бы в Пекине – именно в столице Поднебесной располагалась русская духовная миссия, – и подивился бы необычным православным храмам Успения Богородицы и Сретения Господня, более напоминавшим китайские пагоды.

«Незримый рой гостей»

Из богатейшей фамильной библиотеки Полотняного Завода, калужского имения Гончаровых, где Пушкин гостил вместе с женой и детьми в августе 1834-го, он отобрал для себя в числе других книг и старинные фолианты: «Описание Китайской империи» в двух частях, «с разными чертежами и разными фигурами», издания 1770-х годов, и «О градах китайских».

Возможно, эти же книги читала прежде и юная Наташа Гончарова. В историческом архиве, где хранятся ныне ее ученические тетрадки, есть одна, посвященная Китаю. Поразительно, каких только сведений о древней стране нет на страницах старой тетради – о государственном устройстве, географическом положении, истории, климате, об особенностях всех китайских провинций. Для тринадцатилетней девочки – просто энциклопедические познания! Так что Натали Гончаровой, избраннице поэта, будет близка давняя мечта ее супруга увидеть Китай.

... Отзвуки пушкинских мечтаний можно найти и в поэтических набросках, явленных Болдинской осенью 1833 года:

И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы.

Богдыханы – так на Руси в старинных грамотах величали китайских императоров, для Пушкина они – «знакомцы давние, плоды мечты моей». Знал ли Александр Сергеевич, что своей китайской мечте – Великой Китайской стене – обязан он правителю Ин Чжэну, в будущем богдыхану Цинь Шихуанди, два тысячелетия назад возведшему это чудо света? По велению императора для защиты страны от вторжения гуннов на севере и армии рода Бей-Ю на юге соединены были старые крепостные стены и возведены новые.

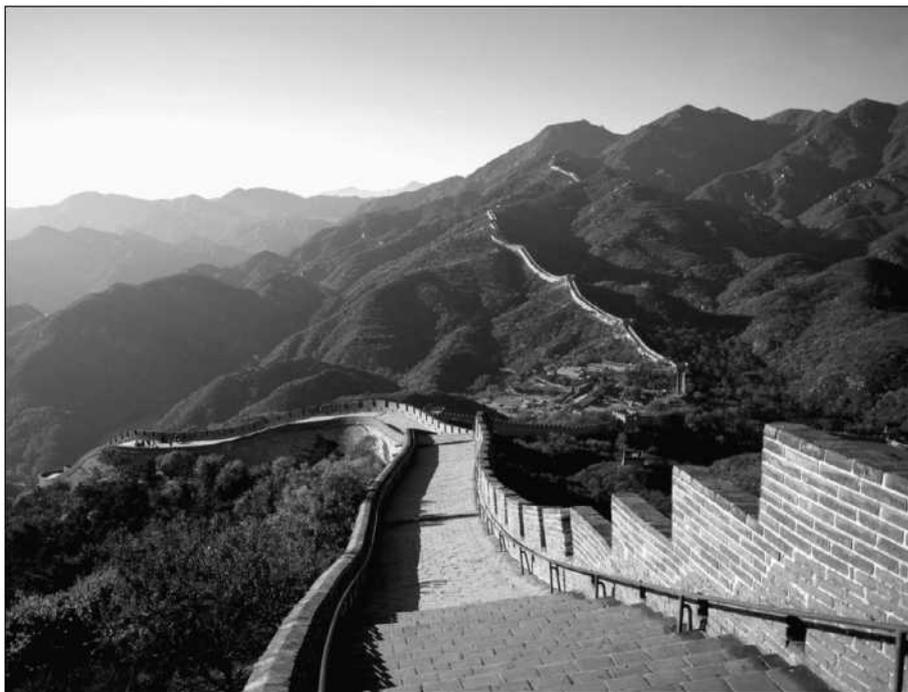

*Китайский император Даогуан из династии Цин.
Годы правления 1820–1850*

Первым из китайских императоров он стал именоваться именем Шихуанди – «божественным правителем». Этот титул носил и богдыхан из династии Цин Дао-гуан, правивший империей в те самые годы, когда в Китай вместе с русским посольством собирался и Пушкин.

Не став реальностью, китайская мечта поэта обратилась в иную ипостась. Как точно пушкинские признания соотносятся с воспоминаниями Александры Россет, близкой приятельницы поэта, ценившего ее за оригинальный ум и красоту:

«Я спросила его: неужели для его счастья необходимо видеть Фарфоровую башню и Великую стену? Что за идея ехать смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел “Китайского сироту”, в котором нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тени Вольтера».

Великая Китайская стена. Фотография

Но для этого Александру Сергеевичу нужно было увидеть Китай собственными глазами. А драма Вольтера «Китайский сирота», о которой упоминает фрейлина Россет, по словам его создателя – «мораль Конфуция, развернутая в пяти актах». И в ней Вольтер оспаривает тезис Руссо, будто бы искусство способствует падению нравов в обществе.

Медор с китайскою царевной...

Удивительно: Пушкин всего дважды, и то в заметках, как бы мимоходом, упомянул Японию. А японские пушкинисты, в числе которых немало замечательных исследователей и переводчиков, помнят и гордятся этим.

Китаю в этом смысле повезло куда больше – Пушкин упоминает о Поднебесной, ее жителей, столице Пекине десятки раз. И даже в одну из глав «Евгения Онегина», по первоначальному замыслу, должны были войти и эти строки:

Конфуций... мудрец Китая
Нас учит юность уважать,
От заблуждений охраняя,
Не торопиться осуждать.

А ведь Пушкин писал первую главу своего романа в 1823-м, до знакомства с ученым-китаистом. Надо полагать, что философские воззрения Конфуция, как и учение «конфуцианство», имена китайских мудрецов и мыслителей были известны Пушкину с лицейских времен. Но еще раньше, в детстве, поэт впервые услышал о древней загадочной стране и о многих ее чудесах – фантастических пагодах и дворцах, драгоценных нефритовых Буддах, бумажных фонариках и воздушных змеях.

«Ефугэни Аонецзинь»

При жизни Александру Сергеевичу так и не удалось пересечь таинственную российскую границу. Но спустя столетия поэтический гений Пушкина сумел преодолеть не только государственные границы, но и хронологические, и самые, может быть, сложные, – языковые.

Пушкина стали переводить в Китае. Его имя впервые было названо в изданной там «Российской энциклопедии» в 1900 году. А через три года китайские читатели уже могли держать в руках первую пушкинскую книгу на родном языке. «Капитанская дочка» вышла в свет с необычным названием: «Русская любовная история, или Жизнеописание капитанской дочери Марии». И с не менее экзотичным подзаголовком: «Записки о сне мотылька в сердце цветка». По-китайски название книги звучало так: «Эго цинши, сымиши мали Чжуань».

Затем были переведены «Станционный смотритель», «Метель», «Барышня-крестьянка», «Моцарт и Сальери». Но то, что Маша Миронова «заговорила» на китайском, можно назвать событием историческим. Ведь то был первый перевод в Китае русской прозы!

В литературном еженедельнике «Вэньсюэ чжоубао» с 1934 года начинают печатать переводы пушкинских поэтических шедевров. Под редакцией поэта Эми Сяо выходит сборник стихов Пушкина.

Но более всего китайцам полюбился «Евгений Онегин» («Ефугэни Аонецзинь» по-китайски), известны по крайней мере шесть его переводов! «Легендарный роман в стихах “Евгений Онегин” – это величайшее творение Пушкина», – восхищался литературовед Ций Цюбо.

В историю китайского пушкиноведения вошло имя Гэ Баоцюаня – самого блистательного переводчика русского поэта. Впервые в Москве побывал он еще в тридцатых годах. Последний раз, полвека спустя, уже почтенным старцем, вновь приехал на родину любимого поэта поклониться святым пушкинским местам. В Михайловском, на празднике пушкинской поэзии в 1986-м, мне посчастливилось познакомиться с легендарным Гэ Баоцюанем и получить от него в подарок томик пушкинских стихов на китайском...

Китай открывал для себя Пушкина, открывал Россию, русскую душу, русскую культуру. А самого поэта китайцы стали почтительно именовать «отцом русской литературы».

Пу-си-цзинь – «веселое имя» Пушкин

Грустный пушкинский юбилей – столетие со дня гибели поэта. Но каким звучным эхом отозвались по всему миру торжества во славу русского гения!

От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая.

В 1937-м в Шанхае при огромном стечении народа был открыт памятник Пушкину. В тот февральский день в красивой части города, на пересечении улиц Гизи и Пишон, царил праздничное оживление, звучала многоголосица: русская, китайская, французская речь.

*Памятник Пушкину в Шанхае.
2002 г. Фотография*

Председатель Шанхайского пушкинского комитета К.Э. Мецлер попросил всех склонить головы в память о русском поэте. Дочь генерального консула Франции госпожа Бодэз перерезала ленточку, – и покров, скрывавший памятник, медленно опустился. Раздались ликующие звуки французского военного оркестра, и затем – русский хор грянул «Коль славен наш Господь». Архиепископ Иоанн, свершив краткий молебен, окропил памятник святой водой. И к его подножию был возложен венок из живых цветов.

Церемониальным маршем мимо памятника поэту (его бронзовый лик был обращен на север, в сторону далекой родины) прошли ученики русских школ...

Первый памятник Пушкину в Азии, вне пределов России, воздвигли в Шанхае! И создан он был благодаря тройственным усилиям – русских эмигрантов, китайских властей и французских дипломатов.

Но шанхайскому памятнику довелось стать свидетелем не только славных торжеств, были в его истории и горькие годы забвенья. Уже в том же 1937-м Япония, оккупировав северо-восток Китая, начала войну против соседнего государства. И памятник русскому гению, – у его подножия всегда лежали цветы, – ставший символом свободы и независимости, был тайно демонтирован. Восстановили его лишь в феврале 1947-го.

Затем пришел черед «культурной революции», и «шанхайский Пушкин» вновь помещал строить счастливую жизнь для китайского народа.

Год 1987-й отмечен третьим «рождением» памятника (и, дай Бог, последним!) – «опальный» монумент встал наконец-таки на прежнем месте. Создано и Всекитайское пушкинское общество, издаются собрания сочинений поэта. Юбилей русского гения праздновался в Китае на самом высоком государственном уровне. Ведь недавний глава Китайской

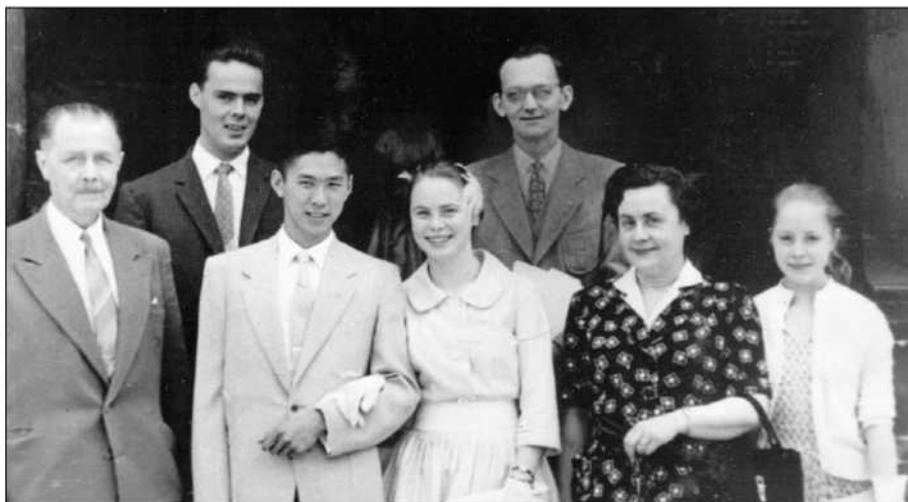
Народной Республики Цзян Цзэминь относит себя к числу поклонников Пушкина и даже декламирует на русском его стихи.

Китайская ветвь на Гавайях

Жизнь сама дописала «китайскую страницу» в биографии поэта, которая, вопреки всем законам бытия, так и не завершилась в том далеком зимнем Петербурге, в старинном доме на набережной Мойки.

Пройдут десятилетия, и в середине двадцатого столетия семнадцатилетняя Елизавета Дурново, прапраправнучка поэта, выйдет замуж за китайца Родни Лиу. И свадьба эта будет отпразднована не где-нибудь, а в Париже, родном городе юной невесты.

Молодые супруги поселятся на Гавайях, близ Гонолулу. Там они обретут свой дом, там же появятся на свет пятеро их детей – два сына и три дочери: Екатерина, Даниэль, Рэчел, Надежда и Александр. Семейство стремительно разрастается: дочери вышли замуж, сыновья женились, и уже в новых семьях рождаются дети, далекие потомки русского гения.

Свадьба Елизаветы Дурново и Родни Лиу. Париж. 1958 г. Фотография Лиу

И вот еще одно необычное обстоятельство: Гавайи стали родиной и для будущего президента США Барака Обамы. Более того, он – ровесник потомков Пушкина! Возможно, даже знаком с ними. Лишь посвященным известно о любви американского президента к русскому поэту. Свою младшую дочь он назвал в честь жены Пушкина красавицы Натали – Наташей, по-домашнему – Сашей. К слову, так в кругу семьи звали и самого поэта!

Давным-давно, еще в Царском Селе, юный поэт-лицеист набросал шуточные строки:

Не владелец я Серая,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя...

Знать бы Пушкину, что в жилах его потомков будет течь и китайская кровь, а внука в далеком колене назовут в его честь Александром! Русское имя соединится с китайской фамилией: потомок поэта в седьмом колене Александр Лиу так же легко может разбирать китайские иероглифы, как и читать на русском стихи своего великого предка.

В пушкинском роду, среди прямых потомков поэта, был и профессиональный китаист – американец Джон Хенри Оверол. Китайским языком он владел в совершенстве, и даже писал на нем стихи.

Правнук поэта граф Михаил Михайлович де Торби, живший в родовом лондонском имени Лутон Ху, снискал известность как художник, постигший каноны древнекитайской живописи. Его рисунки на рисовой бумаге до сих пор восхищают знатоков, равно как и собранная им великолепная коллекция китайского фарфора.

... Посмертная судьба поэта. Она богата причудливыми событиями, удивительными родственными и духовными связями. И еще – необычными воплощениями давних пушкинских замыслов и мечтаний.

Но не чудо ли это, когда в двадцать первом столетии китайский живописец изображает Александра Сергеевича в сюртуке, с неизменной дорожной тростью в руке, прогуливающимся по Великой Китайской стене?

Китайские потомки поэта. Гавайи. 1960-е гг. Фотография

Беларусь

Черный арап на Белой Туси

*Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, – от внука —
То негрского – свет на Руси!*

Марина Цветаева

Полоцкие корни

Александр Сергеевичу довелось побывать в Белоруссии лишь проездом. 1 августа 1824 года добрейший дядька Никита Козлов погрузил в дорожную коляску нехитрые пожитки поэта, и экипаж тронулся в путь. С грустью покидал Пушкин милую ему Одессу – путь его лежал в северную Псковскую губернию, в село Михайловское.

Ровно через неделю, вечером 7 августа, преодолев сотни верст по дорогам Малороссии, путешественники достигли Могилева. Там, на почтовой станции, поэта уже встречали его горячие почитатели – офицеры гусарских полков, расквартированных в Могилеве. Дружеская пирушка, начавшаяся тут же, в станционном доме, продолжилась на квартире Куцынского, корнета Лубенского гусарского полка. Александр Сергеевич, по воспоминаниям очевидцев, читал стихи, и ему восторженно внимали brave гусары. Не одна бутылка шампанского была распита в ту ночь, а под утро вся веселая компания проводила поэта в дорогу.

В пятом часу утра Пушкин покинул гостеприимный Могилев. В тот же день он проехал Оршу и Полоцк...

Корни родового древа, связующие Пушкина с Белоруссией, берут свое начало в древнем Полоцке. Пушкин лишь проездом миновал его. Но название этого старинного города, основанного в IX столетии по велению князя Рюрика, не единожды встречается на страницах пушкинских рукописей. Городом Гориславы, полоцкой княжны Рогнеды, нареченной так за свою несчастливую судьбу, именовали Полоцк. Летопись сохранила печальную историю сватовства князя Владимира Красное Солнышко к гордой красавице Рогнеде и горькое ее замужество...

Известно было это древнее сказание и поэту. Но не дано было знать Александру Пушкину, что и полоцкая княжна Рогнеда, и великий киевский князь Владимир, некогда покоривший Полоцк и силой взявший в жены полубившуюся ему красавицу, и их далекая праправнучка княжна витебская и полоцкая Александра Брячиславна, ставшая супругой святого князя Александра Невского, соединены с ним кровными узами родства.

Иной смысл обретает суждение поэта о белорусах как «народе издревле нам родном»!

Крестник русского царя

«Старожитный» Полоцк связан с именем еще одного прародителя Пушкина, давшего ему свою знойную африканскую кровь, – Абрама Петровича Ганнибала.

Правда, упоминаний о пребывании прадеда поэта в этом белорусском городе нет ни в одном из бесчисленных трудов, посвященных необыкновенной судьбе «царского арапа». И все же беру на себя смелость утверждать, что маленький арапчонок, носивший в то время имя Ибрагим, жил в Полоцке, и знай о том Пушкин, дороживший мельчайшими подробностями о своем темнокожем прадеде, не преминул бы он сделать остановку в этом славном городе.

Пушкинский рисунок арапчонка на рукописи «Евгения Онегина». 1823 г.

Виной тому одна ошибка, связанная с годом крещения прадеда поэта и невольно повторенная Александром Сергеевичем.

Вот что писал Пушкин в «Начале автобиографии» – записках, посвященных собственному родословию: «Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владельца князька.

Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне в 1707 году с польской королевою, супругою Августа...»

Бесспорно, Пушкин почерпнул эту ошибочную дату из так называемой «Немецкой биографии» Ганнибала, записанной зятем Абрама Петровича немцем Роткирхом уже после смерти «царского арапа»:

«Приблизительно в 1707 году был он (Ганнибал) в Польше окрещен в греческую веру, и сам император вместе с польской королевой, супругой Августа II, почтили этот обряд своим высочайшим присутствием в качестве восприемников».

Итак, год крещения Абрама Петровича указан его биографом как 1707-й. Но именно этот названный год вызывал немало сомнений как у историков, так и у пушкинистов. В 1707-м ни польского короля Августа II, ни его супруги королевы Христины-Эбергардины в Вильно быть не могло. В феврале 1706 года Август II, изменив союзу с Россией, заключил сепаратный мир со шведским королем Карлом XII. И только после победоносной Полтавской битвы в июне 1709-го дружеские связи русского и польского монархов восстановились.

И вновь записки поэта: «В крещении наименован он (прадед) был Петром, но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом».

Фамилией Ганнибал Абрам Петрович стал подписываться значительно позднее, в зрелые годы, первая же фамилия – Петров, как и отчество, была дана в честь «августейшего восприемника».

Петр Петрович Петров – так должно было бы именовать царского крестника. Но арапчонок оказался норовистым и не захотел носить не полюбившееся ему имя. Да и от данной ему фамилии отказался. Только отчество и оставит в память о Петре Великом, своем крестном отце...

Известно, что арапчонка Ибрагима в числе «трех арапов малых ребят» привезли в Москву осенью 1704 года – маленького «басурманина» держать нехристом при Дворе долгих три года явно бы не стали.

Более того, в Вильно на стене православной церкви Святой Параскевы Пятницы, где был крещен арапчонок, сохранилась мемориальная доска с выбитым на ней старинным текстом: «В сей Церкви Император Петр Великий в 1705 году слушал благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII, подарил ей знамя, отнятое в той победе у шведов, и крестил в ней Африканца Ганнибала – деда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина».

Очевидно, запись сделана по старым метрикам, где указывался именно этот год, – а церковные книги заслуживают доверия.

Но, пожалуй, самое веское свидетельство оставил сам Абрам Петрович: «...И был мне восприемником от святыя купели Его Величество в Литве в городе Вилне 1705-м году...»

Строки эти из посвящения Екатерине I, предварявшего учебник Ганнибала «Геометрия и фортификация». Вряд ли эту рукопись, поднесенную автором императрице, наследнице «славного Петра Великого», мог видеть поэт.

Из «гнезда Петрова»

Итак, год 1705-й. Уже несколько лет Россия ведет со Швецией Северную войну: Петр I борется за выход к Балтийскому морю со своим противником – шведским королем Карлом XII. Полоцк, в то время входивший в состав Речи Посполитой, становится стратегически важным городом, именно через его земли должны были двигаться шведские отряды на соединение с гетманом Мазепой. В феврале 1705 года русские полки во главе с князем Александром Меншиковым выступили в поход и встали военным лагерем под Полоцком. Государь сам едет к местам возможных боевых событий и берет с собой смышленного и расторопного арапчонка.

Вид Стамбула (Константинополя) в XVIII в.

Когда же Петр Первый крестил своего арапчонка?

Попробуем восстановить хронологию тех давних событий. Откроем пушкинскую «Историю Петра»:

«1705 год... Петр собрался ехать в Польшу, но 5 мая занемог лихорадкою – и успел выехать не прежде, как в конце мая. По пути к Полоцку осматривал сад и костел в местечке Микалишки...

В Полоцке Петр нашел Шереметева, Огильвия, Репнина, уже соединившимися...

1 июля Петр с главным корпусом выступил к Вильне...

Петр прибыл в Вильну 15 июля...

1 августа, предоставив начальство над войском в Вильне Огильвию... сам пошел в Курляндию преследовать Левенгаупта».

Временные рамки сужаются: Петр провел в Вильно всего две недели – вторую половину июля 1705 года. Именно в это время он и крестил своего питомца!

Пушкин – историк серьезный. «Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина, – полагал поэт, – но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до Государя Петра III». В последние годы жизни поэт был увлечен деяниями и самой личностью Петра Великого, и все сведения добыты им из архивов, где он самозабвенно работал, по его же словам, буквально «зарывался» в них. Так что в достоверности исторических фактов и событий сомнений нет.

Стоит заметить, что и в 1707 году Петр I вновь побывал в Вильно, и, весьма вероятно, его также сопровождал маленький арап. Но путь следования русского царя был совсем иным – Петр в сопровождении свиты выехал в Вильно из Варшавы. И об этом также упоминает Пушкин в «Истории Петра». Видимо, поэтому и не вызывал сомнений у поэта год крещения его прадеда.

«Год Господний 1705»

Известно немало свидетельств о пребывании русского монарха в Полоцке. Сохранился и старинный дом, где почти месяц жил Петр I. Каменный одноэтажный особняк, крепко вросший в землю, стоит на берегу Западной Двины, в историческом сердце города. Чудом уцелел он во время двух самых кровопролитных войн – Отечественной 1812 года и Великой Отечественной, что не миновали древний город.

Столетие назад над окнами дома красовалось лепное изображение двух (!) гениев, держащих ленту с выбитой на ней латинской надписью: «*Petrus Primus. Anno Domini MDCCV*» («Петр Первый. Год Господний 1705»).

Ныне лишь мемориальная доска на стене особняка свидетельствует о пребывании в нем Петра Великого.

Но именно здесь в июне 1705-го вместе с русским царем был и его любимец, маленький Ибрагим! Ведь арапчонок находился неотлучно при своем высоком покровителе. Мальчик обладал необыкновенно чутким слухом, – по этой причине Государь велел арапчонку спать подле него в царской спальне или где-то поблизости. Как свидетельствовал историк Голиков, юный Ганнибал, «как бы он ни крепко спал, всегда на первый спрос просыпался и отвечал».

И отсюда, из этого же дома, 1 июля Петр «выступил к Вильне».

А чуть раньше в Полоцке, 29 июня, в День Святых Апостолов Петра и Павла, тридцатитрехлетний Государь праздновал свои именины и милостиво принял приглашение от отцов-иезуитов отобедать у них. В честь августейшего именинника при заздравном тосте о его благоденствии из пушек, что стояли перед входом в Коллегиум, были даны залпы.

Когда-то философ и богослов Симеон Полоцкий по звездам предсказал рождение и великую будущность российского императора.

О том пророчестве знал и Пушкин: иеромонах Симеон «прорек за 9 месяцев до рождения Петра славные его деяния, и письменно утвердил, что “по явившейся близ Марса пресветлой звезде он ясно видел и как бы в книге читал, что зачавшийся в утробе царицы Наталии Кирилловны сын его (царя) назовется Петром, что наследует престол его, и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не может”...».

Домик Петра I в Полоцке. 1999 г. Фотография автора

Начинал свой духовный путь Симеон Полоцкий, наставник юного Петра, совсем неподалеку от особняка, где жил в Полоцке его царственный ученик, – в кельях Богоявленского монастыря и в классах знаменитой Братской школы...

Петр I с арапчонком. 1705 г. Художник А. Шхонебек

В тот памятный день царских именин арапчонок Ибрагим наверняка с любопытством глазел на купола Святой Софии, на медленно текущую у подножия холма Двину, на иезуитский Коллегиум и на мощный крепостной вал времен Ивана Грозного.

Кто бы тогда взялся предсказать, что попавший с берегов Красного моря в северную страну арапчонок станет в будущем известнейшим человеком? Он войдет в историю России как искусный инженер, математик, фортификатор, своими трудами способствовавший ее процветанию.

Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

Крестнику русского царя судьба уготовит необычную долю – стать прадедом русского гения. И спустя столетия в доме, где жил маленький Ганнибал, откроют библиотеку, на полках которой будут стоять поэтические томики его великого правнука.

Еще один парадокс истории. Величие государственных свершений Петра не затмило, казалось бы, такую малость – участие императора в судьбе крестника-арапчонка.

... А в полоцком домике Петра I разместились ныне музейная экспозиция «Прогулка по Нижней Покровской». И стоит вспомнить, что по этой улочке, ведущей к Софийскому храму, три столетия назад прогуливался со своим августейшим покровителем и маленький арапчонок Ибрагим.

В старом Полоцке, так уж случилось, сошлись вне времени пути русского царя, Александра Пушкина и его черного прадеда.

Бесценный подарок Петра

Но у этой давней истории есть и свое продолжение.

Абрам Петрович, русский африканец, оставил большое потомство. В союзе с супругой Христиной фон Шеберг, полунемкой-полушведкой, дал жизнь десятерым детям. Осипу Ганнибалу, третьему сыну в семье, суждено было стать дедом поэта.

Пушкин не раз – то с горькой иронией, то с юношеским задором, то с гордостью – упоминал о своем необычном африканском происхождении:

«...Среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра».

Но славное имя своего темнокожего предка Пушкин защищал достойно: честь рода и фамилии ценил превыше всех жизненных благ.

Однажды, еще в лицейские годы юный поэт подарил своему другу Пушину на день рождения стихотворение и в конце его поставил подпись: «От автора. А. Аннибал-Пушкин».

В доме поэта в шутку называли своих родственников «ганнибаловой палитрой». Но все Ганнибалы и Пушкины поддерживали меж собой дружеские, теплые отношения.

По соседству с Михайловским, в Петровском, жил Вениамин Ганнибал, сын «старого арапа» Петра Абрамовича, двоюродного деда поэта. Весельчак и хлебосол. И когда у Ольги Сергеевны Павлицевой в 1834-м родился долгожданный первенец Левушка, дядюшка отправил ей восторженное поздравление: «Радости моей описывать нет нужды. Расцелуй от сердца и души по-африкански, по-ганнибаловски отпрыска нового Ганнибалов, твоего Льва, и теперь Львенка. Пожалуйста, напиши, да поскорее: похож ли он на Ганнибалов, то есть черномаз ли львенок-арапчонок, или белобрысый?»

А вот у Пушкиных была некая подспудная боязнь, что, не приведи Господь, внуки пойдут в прапрадедушку! Так Надежда Осиповна сообщает дочери Ольге о странном сне Александра, – ему приснилось, что «твой ребенок черен, как Абрам Петрович».

...Сильны африканские гены! Помню, как однажды Григорий Григорьевич Пушкин, правнук поэта, протянул мне раскрытые руки: «Посмотри, какая у меня память от Абрама Петровича!» Ладони были и впрямь необычными, – африканскими: желтыми с разделительной темной полоской...

Потомки славного Абрама Ганнибала – это огромный семейный клан, насчитывающий за свою трехсотлетнюю историю семьсот представителей. Из них более двухсот ныне здравствующих потомков крестника Петра.

С наследником «царского арапа» Евгением Алексеевичем Орловым судьба свела меня в Москве, в библиотеке имени А.С. Пушкина, что близ Елоховского собора, где крестили поэта, – в самом что ни на есть памятном пушкинском месте. Да к тому же еще на премьере фильма петербуржца Сергея Некрасова, директора Всероссийского пушкинского музея, о «странной жизни Аннибала» и его африканской прародине.

А потом были встречи с Евгением Алексеевичем и долгие доверительные разговоры. Родословие свое ведет он от Анны Ганнибал, третьей дочери Абрама Петровича. В свое время Анна благополучно вышла замуж и стала родоначальницей рода Нееловых. Ее внук Александр Неелов, выпускник Морского кадетского корпуса, был ровесником Александру Пушкину и приходился ему троюродным братом.

Итак, от отца к сыну и от внука к правнуку семейная цепочка дотянулась, не прерываясь на крутых виражах истории, до нового двадцать первого столетия. И Евгению Алексеевичу суждено было стать потомком Абрама Ганнибала в седьмом поколении!

Отца своего Евгений Орлов помнит хорошо. Хотя и шел ему пятый год, когда отец ушел на фронт. Запомнил на всю жизнь сказанные им при прощании слова: «Или грудь в крестах, или голова в кустах!»

Все же победы Алексей Орлов дождался, но радость та была недолгой – в ноябре 1945-го он умер от тяжелых ранений в военном госпитале.

Нет уже на свете и младшего брата Евгения Алексеевича, Григория Орлова. Брат удался в «ганнибаловскую породу» – смуглый, с черной курчавой головой, – знойная кровь! Вели-

колепный танцор (не подвел и темперамент!), он вместе с известным ансамблем «Березка» объездил весь мир.

И Евгению Алексеевичу тоже довелось увидеть чужие края – в числе почетных гостей на боевом корабле с символическим названием «Гангут» (ведь когда-то Абрам Ганнибал участвовал в знаменитом морском сражении при Гангуте) побывал он в Средиземноморских странах.

Всю свою жизнь Евгений Орлов имел дело с твердым материалом – гранитом, он – резчик по камню, реставратор. А характер у него – мягкий, незлобивый. И человек он удивительно добрый.

В одну из наших встреч Евгений Алексеевич принес с собой бархатный альбом и извлек из него драгоценное содержимое – семейные фотографии столетней давности. На старых снимках запечатлены счастливые мгновения жизни большого семейства Евгении Орловой, урожденной Нееловой, его родной бабушки.

Вот и сама Евгения Петровна с супругом в окружении своих малолетних чад. Вглядываясь в снимок начала минувшего века, сохранивший образ молодой женщины: тонкие черты лица, выразительные темные глаза, собранные в модную тогда прическу пышные вьющиеся волосы... Красавица... Но красота особая, экзотическая.

И как тут не вспомнить, как исстари все Ганнибалы радовались, буквально торжествовали, когда у их потомков проявлялись наследственные родовые черты.

Евгения Петровна в кругу семьи. Начало XX в. Фотография

Русская бабушка с африканской кровью! Как причудливо порой раскладывает свой пасьянс природа! Нет, поистине живучи гены славного «царского арапа»!

Памятник Пушкину в столице Эритреи. 2009 г. Фотография

На оборотной стороне добротной фотографии, на ее картонной подложке, любуюсь целой россыпью медалей, коими отмечено мастерство фотографа, читаю адрес салона: «на Витебской улице близ памятника», в городе... Полоцке! Быть того не может! Значит, Евгения Орлова, далекая пра...правнучка Ганнибала, жила со своей семьей в этом белорусском городе. Пути чернокожего предка и его неведомой наследницы пересеклись в старинном Полоцке ровно через двести лет!

Низкий поклон Петру Великому от Евгения Орлова, его дочери и внучек и еще от многих представителей рода самого чтимого африканца на Руси! Предтечи великого Пушкина.

Кто бы мог представить, что далекие потомки поэта, в жилах которых течет кровь великих князей, российских императоров и английских герцогов, не отрекутся от своего африканского родства! Странно и помыслить ныне, а вдруг не пришла бы русскому царю чудная мысль – привезти на Русь диковинных арапчат?! Не только отечественная культура, вся история России была бы иной.

Нет, тысячу раз права была Марина Цветаева, назвавшая эту царскую блажь, прихоть – самым великим деянием Петра. Бессмертным подарком на все времена.

...А в Эритрее, в центре ее столицы Асмэра, на исторической прародине Абрама Ганнибала, встал памятник его гениальному правнуку. Бронзовый Александр Сергеевич под небом родной ему Африки.

Бельгия

Братья по африканской крови

*И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.*

А.С. Пушкин

Русские африканцы

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон!..

Лихо распевали красноармейцы, чеканя шаг в едином строю. А с плакатов, что были расклеены повсюду – на театральных тумбах, стенах домов и магазинных витринах, – взирал на них скрюченный, с черными усищами, тот самый карикатурно-зловещий барон, из живота коего торчал окровавленный штык.

Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!

Революционная Россия призывала крепить пролетарскую бдительность:
«Врангель идет! К оружию, пролетарии! Врангель еще жив, добей его без пощады!»
Да, имя барона Петра Врангеля не забылось в новой российской истории. Ну, а в тех, уже далеких двадцатых, оно было поистине у всех на слуху.

И кто бы мог в те страшные кровавые годы помыслить, что враг юной республики барон Врангель – родственник русскому гению... Александру Пушкину!

Оба они, и поэт, и белый генерал, идут от одного «африканского корня», их общий предок – крестник русского царя, его воспитанник и сподвижник Абрам Петрович Ганнибал.

Цепочку родства проследить легко: из десяти детей царского арапа сын Осип стал дедом Пушкина, а дочь София – прапрабабушкой барона Врангеля.

Петр Николаевич Врангель. 1910—1920-е гг. Фотография

Софья Абрамовна, самая младшая в семействе, последыш, появилась на свет, когда ее чернокожему отцу перевалило за шестьдесят. И дольше всех братьев и сестер прожила под родительским кровом в Суйде, петербургском фамильном поместье.

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой Арап...

Туда, в имение под Гатчиной, к барышне Софье Ганнибал, частенько наведывался ее жених Адам (Адольф) Карлович Роткирх, обрусевший немец. И любил он потолковать с будущим тестем, отставным генерал-аншефом, о временах стародавних, послушать рассказы старого арапа о необычной, полной превратностей и приключений судьбе, о детстве в Африке, жизни в отчем доме, под сладостной прохладой фонтанов. Всякий раз после долгих бесед аккуратнейший Адам Карлович записывал все слышанное в тетрадку, – так явилась на свет «Немецкая биография» Петрова крестника. Много позже ее, любовно прочитанную, кудрявый правнук Абрама Ганнибала положит в основу своего романа «Арап Петра Великого».

Так что предки барона Врангеля внесли свою лепту в неведомую прежде науку – «ганнибаловедение». А самой Софье довелось стать свидетельницей, как поздней осенью 1772-го Осип предстал перед глазами разгневанного отца вместе с молодой женой Марией Пушкиной, с которой брат посмел венчаться без родительского благословения, и как бедная супруга упала в обморок от сурового взгляда своего свекра!

Вскоре, в Суйде же, у четы Ганнибал появилась на свет единственная дочь Надежда, вполне оправдавшая свое имя, – в будущем мать поэта.

А в семействе Роткирхов родилась дочь Вера. Повзрослев, она сменила свою девичью фамилию на другую, столь же непривычную русскому уху. Ее избранником стал Александр Иванович Рауш фон Траубенберг, дворянин, наследник эстляндского рыцарства.

Вера Адамовна скончалась рано, в памятном для России 1812 году, оставив безутешными супруга и пятерых детей. Но потомки старого арапа родством дорожили, приезжали в гости друг к другу, переписывались. Так у Ивана Адамовича Роткирха, родного брата Веры, в сельце Новопятницком в 1821-м гостила его кузина Надежда Осиповна с дочерью Ольгой. И Ольге Пушкиной чрезвычайно понравилась ее троюродная сестрица Дашенька – «она тогда была прелестная: веселая, хорошенькая, наверное, не больше 16 лет, но очаровательная и умница».

Спустя десять лет очаровательная Дашенька Рауш фон Траубенберг предстанет перед алтарем со своим женихом бароном Егором Врангелем. К слову сказать, в том же 1831-м венчался и ее троюродный брат Александр Пушкин с прекрасной Натали Гончаровой.

Семейные предания

Истоки свой род Врангелей берет в средневековой Дании. Одна из ветвей фамильного древа протянулась в Россию, да там и укоренилась, отсюда – и русские Врангели. Егор Ермакович, родной дед Петра Врангеля, еще числился лютеранином, но его дети и внуки воспитывались в православной вере. В семействе Дарьи и Егора Врангелей и появился на свет сын Николай.

Позже в своих мемуарах Николай Врангель оставит краткую запись об истории своего семейства: «Так как одна из моих бабок – темнокожая дочь генерал-аншефа... была православная, то и мы, ее потомки, были крещены в православной вере и совершенно обрусели».

Детская память сохранила лица никогда не виданных им предков:

«На одной стене большие портреты деда Ганнибала и бабушки; он смуглый, почти табачного цвета, в белом мундире с Владимирской звездой и лентой. У него чудные глаза, как у газели, и тонкий орлиный нос. Бабушка. в серебристом платье и высокой, высокой прическе».

Дарья Александровна умерла в Германии, в Дрездене, – городе, который не раз упоминал ее кузен, великий Пушкин, и где ему так и не довелось побывать.

«Матери моей я не знал, она умерла за границей, – вспоминал много позже Николай Егорович, – когда мне не было еще четырех лет. Судя по портрету, это была женщина редкой красоты, а по отзывам лиц, ее близко знавших, ангел доброты и кротости».

Николай Врангель станет выпускником знаменитого Геттингенского университета. И торжественно примерит мантию доктора философии. Первая проба сил на литературном поприще принесет ему удачу: драмы из времен русской смуты – о Петре Басманове и Марине Мнишек, а также великолепный перевод бессмертного творения Гете «Фауст» будут иметь успех, о нем заговорят.

А затем, свершив неожиданный поворот, барон Николай Врангель делает блестящую предпринимательскую карьеру и станет весьма влиятельной фигурой в финансовых кругах Петербурга: председателем правлений Амгунской золотопромышленной компании, Российского золотопромышленного общества, Товарищества спиртоочистительных заводов.

Но более всего запомнится барон своим современникам как страстный собиратель живописи и антиквариата: «Длинный, с моноклем старик – Врангель-отец, вечно копающийся в старом хламе в поисках жемчужин». Находки его впоследствии составили блестящее собрание: итальянской живописи, французской мебели времен Людовика XVI, северского фарфора и редкостных персидских ковров.

Впрочем, сохранились и другие воспоминания. Настоящий живописный портрет Николая Егоровича запечатлен в мемуарах художника Бенуа: «Это был высокого роста господин с крупными чертами лица, с едва начинавшей сесть бородой, недостаточно скрывавшей его некрасивый рот. Мясистые губы его сразу же бросались в глаза своим сероватым цветом и сразу выдавали арабское или негритянское происхождение».

Правда, добавлял художник, «таким происхождением Врангели только гордились, ведь в них была та же кровь, которая текла в жилах Пушкина, так как и они происходили из того же “арапа Петра Великого”, как и наш великий поэт и как замечательный военачальник XVIII века (Иван) Ганнибал».

Любил Николай Егорович цитировать и признание гениального создателя «Евгения Онегина»: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского».

В собрании Н.Е. Врангеля хранился и портрет генерал-аншефа Ивана Абрамовича Ганнибала кисти Левицкого. Вероятней всего, авторская копия портрета старшего сына «царского арапа», отличившегося в Чесменском сражении и основавшего Херсон. Своеобразную африканскую внешность, равно как и отцовскую страсть к собирательству, унаследовал и младший сын Врангеля, Николай.

Николай Николаевич Врангель снискал известность как замечательный искусствовед, автор фундаментальных трудов по истории русского искусства. Его статьями в журналах «Старые годы» и «Аполлон» зачитывалась вся интеллектуальная Россия. Знали его и как организатора многочисленных историко-художественных выставок, каждой из которых суждено было стать событием в культурной жизни России. Многие из бесценных полотен кисти Кипренского, Лампи, Аргунова, представленных широкой публике, являли собой фамильное достояние Врангелей.

Век Николая Николаевича был недолог – он скончался на тридцать пятом году в Первую мировую. Военно-санитарный поезд, носивший имя великой княжны Ольги Николаевны и где нес свою службу Врангель-младший, вывозил с Западного фронта раненых в тыл...

На вечере памяти, устроенном в Петербурге почитателями Николая Николаевича, живописец Бенуа утверждал, что грядущие поколения будут с восторгом говорить о начале двадцатого века как об «эпохе Врангеля».

Он не ошибся во времени – о Врангеле очень скоро заговорила вся Россия. Но не о почившем знатоке искусств, о его родном брате – генерале Петре Врангеле.

От корнета до генерала

Младенца, родившегося в августе 1878-го на западной окраине Российской империи, в небольшом городке Ковенской губернии, нарекли Петром и крестили в Вильно, в православной церкви. По удивительному совпадению в Вильно же был крещен и его далекий предок – арапчонок Абрам Ганнибал, первоначально именованный также Петром, в честь своего августейшего приемника, русского царя!

Начало жизни будущего главнокомандующего Русской армией вполне мирное. Реальное училище в Ростове, Горный институт императрицы Екатерины II в Петербурге, где юный Петр Врангель, внимая совету отца, постигал инженерные науки. Отличные познания барона Врангеля в горном деле были отмечены золотой медалью, врученной ему вместе с институтским дипломом.

Но кровь все же взяла свое: старинный род Врангелей – воинский, и ратные традиции были всегда в чести: носили славную датскую фамилию поручики, генералы и даже фельд-маршалы.

И Петр Врангель, молодой наследник отчих капиталов, вступает на военную стезю: начинает службу вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конном полку, успешно выдерживает испытания в Николаевское кавалерийское училище. После выпуска произведен в корнеты и зачислен... в запас гвардейской кавалерии. Какое-то время служит при Иркутском генерал-губернаторе (для исполнения особых поручений), но чиновничья должность наводит на него зевоту и приносит лишь одни разочарования. Нет, не создан был для размеренной жизни Петр Врангель, в чьих жилах бурлила знойная африканская кровь!

И вот тут-то грянула война! Первая в его жизни – Русско-японская! В феврале 1904-го Петр Врангель добровольно вступает в армию, в один из полков Забайкальского казачьего войска. Пройдет всего несколько месяцев, и он будет представлен к первому своему ордену Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». И, как отмечено в приказе, «за особые отличия в делах против японцев».

Заблестят на походном кителе хорунжего Петра Врангеля боевые ордена, и так же стремительно будут расти воинские звания: в декабре 1904-го он – сотник, в сентябре 1905-го – подьесаул.

Не пройдет и года, как на полковом параде император Николай II заметит в кавалерийском строю высокого, ладно сидящего в седле темноволосого офицера. Расспросив его о службе и происхождении, Государь пожелает, чтобы тот служил в лейб-гвардии Конном полку.

Поистине удача сопутствовала поручику Врангелю. Не обошла его стороной и любовь: в августе 1907 года он венчался с фрейлиной Их Императорских Величеств, дочерью камергера Двора Ольгой Иваненко.

Пролетели годы учебы в Николаевской академии Генштаба, и в 1909-м из ее стен вышел новоиспеченный штабс-ротмистр гвардии Петр Врангель.

Показать себя в деле ему предстоит на фронтах Первой мировой: в августе 1914-го он атакует неприятеля под Каушеном, в Восточной Пруссии, захватив вражескую батарею. За героическую конную атаку – новая боевая награда, орден Св. Георгия IV степени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.